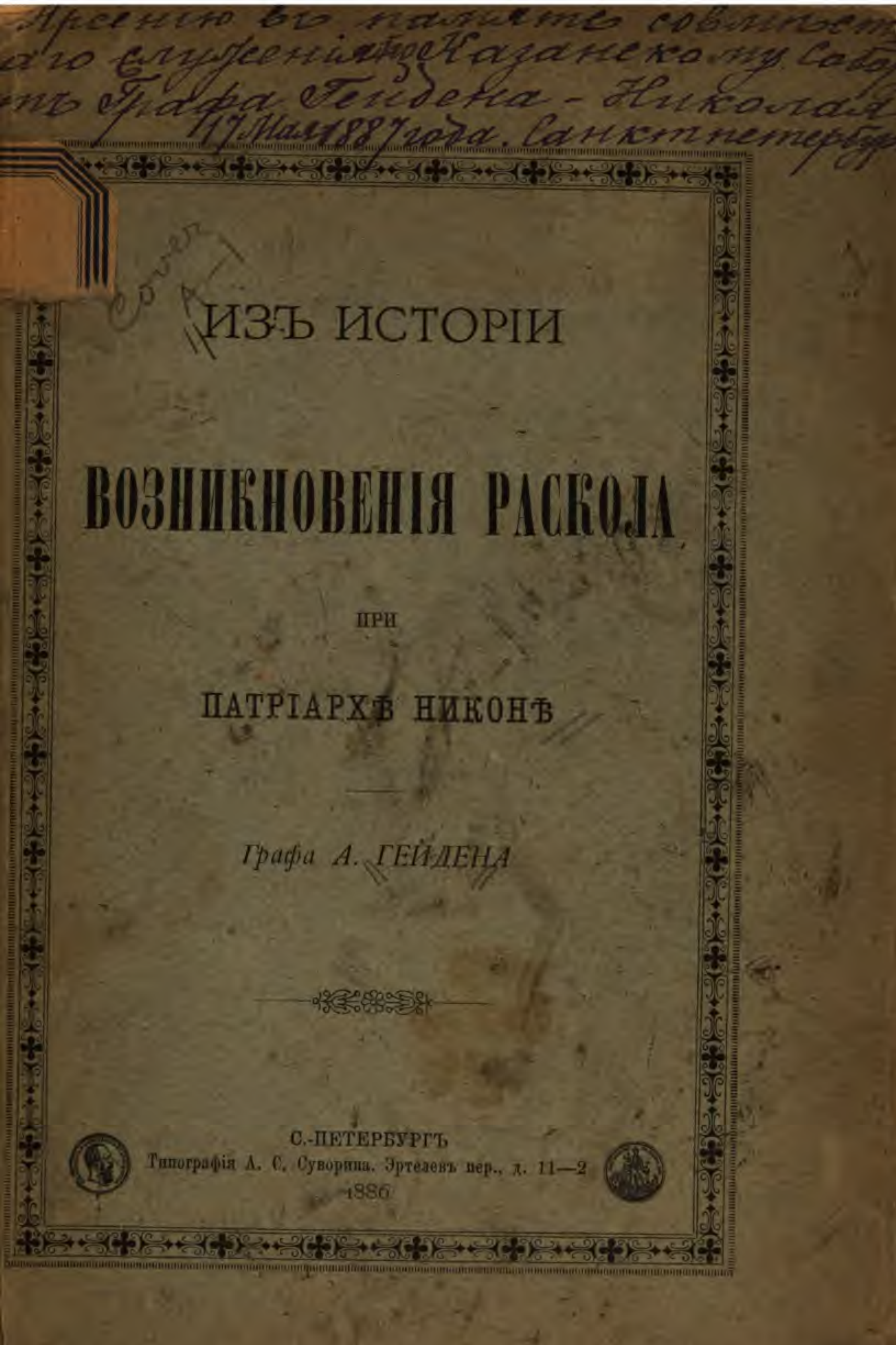

Арсенію въ память совмѣстнаго служенія въ Казанскомъ Соборѣ отъ Графа Гейдена - Николая. 17 Мая 1887 года. Санктпетербургъ

ИЗЪ ИСТОРІИ

ВОЗНИКНОВЕНІЯ РАСКОЛА

при

ПАТРІАРХѢ НИКОНѢ

Графа А. ГЕЙДЕНА

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер., д. 11—2
1886

ИЗЪ ИСТОРІИ

ВОЗНИКНОВЕНІЯ РАСКОЛА

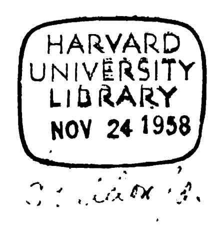
ПРИ

ПАТРІАРХѢ НИКОНѢ

Графа А. ГЕЙДЕНА

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер., д. 11—2
1886

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 16 августа 1885 г.
Цензоръ Архимандритъ *Арсеній*.

Изъ исторіи возникновенія раскола при патріархѣ Никонѣ.

Въ исторіи возникновенія раскола въ русской церкви до сихъ поръ остается еще весьма мало изслѣдованнымъ вопросъ о вліяніи греческой церкви на это важнѣйшее событіе русской церковной жизни.

Дѣло исправленія русской церковной обрядности и книжности, предпринятое патріархомъ Никономъ, — дѣло, касавшееся исключительно русской церкви, хотя и требовавшее содѣйствія и помощи свѣдущихъ людей изъ духовенства греческаго—было поставлено на почву между-церковную, и рѣшающій голосъ въ немъ предоставленъ былъ восточнымъ патріархамъ, которые, хотя и были представителями одинаковаго съ русскими православнаго вѣроисповѣданія, но являлись людьми совершенно чуждыми русскихъ народныхъ обычаевъ и взглядовъ, незнакомыми съ русскимъ языкомъ и потому вынужденными толковать съ русскимъ духовенствомъ о дѣлахъ церковныхъ черезъ посредство переводчиковъ, — наконецъ, людьми, пріѣзжавшими въ Россію главнымъ образомъ съ цѣлью получить денежную поддержку и смотрѣвшими на участіе свое въ Никоновскихъ церковныхъ исправленіяхъ, какъ на дѣло второстепенное; вслѣдствіе этого не могло быть той тщательности, добросовѣстности и снисходительности въ дѣлѣ суда надъ старообрядцами, какой требовала важность послѣдствій его для русской церкви и какую

въ дѣйствительности высказалъ соборъ русскихъ іерарховъ въ 1666 г. до прибытія восточныхъ святителей въ Москву.

Это рѣшающее значеніе греческой церкви въ дѣлѣ церковныхъ обрядовыхъ исправленій оскорбило народное самолюбіе русскихъ людей, считавшихъ грековъ зараженными ересью вслѣдствіе порабощенія ихъ турками, и послужило главной причиной, вызвавшею и укоренившею въ первыхъ расколовождяхъ и расколоучителяхъ глубокое, искреннее и сознательное убѣжденіе въ необходимости бороться на смерть съ церковнымъ дѣломъ, предпринятымъ Никономъ, и убѣдившею ихъ отдѣлиться отъ русской православной церкви послѣ роковой клятвы, произнесенной восточными патріархами на соборѣ 1667 года.

Весьма убѣдительнымъ и нагляднымъ подтвержденіемъ этой мысли можетъ служить предлагаемое изложеніе борьбы главнаго вождя раскола Неронова съ патріархомъ Никономъ, составляющей поучительную страницу изъ исторіи возникновенія раскола.

При патріархѣ Іосифѣ протопопъ Московскаго Казанскаго собора Нероновъ принималъ дѣятельное участіе въ исправленіяхъ церковныхъ книгъ, состоя членомъ совѣта при печатномъ дворѣ [1]). Въ этомъ совѣтѣ находились лучшіе пред-

[1]) Мнѣніе о томъ, что протопопъ Иванъ Нероновъ вмѣстѣ съ Аввакумомъ и другими былъ справщикомъ книгъ при патріархѣ Іосифѣ, вовсе не подтверждается расходными книгами печатнаго приказа, въ которыхъ сохранились росписки всѣхъ лицъ, получавшихъ жалованье изъ средствъ печатни по должности справщиковъ; имена Неронова, Аввакума, Вонифатьева и др. въ этихъ роспискахъ не значатся. (Ист. рус. церкви, м. Макарія т. XI, с. 126, пр. 82). Даже Игнатій (Три посланія митр. Игнатія, Казань, 1855, с. 91—95), на свидѣтельствѣ котораго основывалось вышеозначенное мнѣніе, говоритъ лишь, что прот. Нероновъ и другіе входили въ составъ „совѣта", на который „святѣйшій патріархъ Іосифъ, мужъ престарѣлый, все исправленіе книгъ возложи". Члены этого не были, слѣдовательно, сами справщиками. Имъ, особенно Неронову и Вонифатьеву, какъ полагаетъ м. Макарій, престарѣлый патр. Іосифъ и довѣрилъ главное завѣдываніе изданіемъ книгъ, и они съ своими единомышленниками могли оказывать вліяніе, какъ на справщиковъ, такъ и

ставители тогдашняго духовенства, а Нероновъ былъ однимъ изъ вліятельнѣйшихъ его членовъ. Выдѣляясь своею ревностью о благочестіи и книжнымъ образованіемъ, онъ былъ уважаемъ всѣми передовыми людьми того времени [1]), имѣлъ неограниченный вѣсъ у патріарха [2]) и оказывалъ вліяніе при дворѣ, пользуясь высокимъ покровительствомъ государя [3]). Въ своей церковной дѣятельности Нероновъ не ограничивался исправленіемъ печатныхъ книгъ, но вмѣстѣ съ своимъ будущимъ врагомъ Никономъ, въ то время еще митрополитомъ Новгородскимъ, который питалъ къ нему большое уваженіе и доброжелательство, содѣйствовалъ также установленію церковнаго благочинія, оживленію церковной проповѣди и исправленію нѣкоторыхъ церковныхъ обрядовъ, напр. введенію единогласнаго пѣнія [4]); при этомъ, однако, церковное прави-

на самое печатаніе книгъ. Арсеній Сухановъ въ своемъ „преніи о вѣрѣ съ греками" говоритъ: „у насъ книги правятъ избранные люди и безпрестани надъ тѣмъ сидятъ, а надъ тѣми людьми надзираютъ, по государеву указу, митрополитъ и архимандр. и протопопы".

[1])....„Стефанъ (Вонифатьевъ) и Ѳедоръ (Ртищевъ) имѣяше къ Іоанну (Неронову) любовь велію, вѣдуще его свидѣтельствованное Богомъ житіе святое, и искусство Божественнаго Писанія, и рѣчиста, и ревность велію имуща по Бозѣ и не обинующася лицъ сильныхъ, предъ цари глаголюща и не стыдящася того ради часто Іоанна призываху къ себѣ; онъ же ученіемъ Божественнаго Писанія многу пользу подаяше имъ". (Матер. по истор. раскола, изд. братства св. Петра, т. I, с. 275).

[2])....„и идоста (Нероновъ и Вонифатьевъ) къ святѣйшему патріарху Іосифу и моленіемъ ихъ посвященъ бысть Гавріилъ въ чинъ іерейскій.

[3]) ...„Имѣяху дерзновеніе къ самодержцемъ". (Ист. рус. ц., Макарія, т. XI, с. 126, пр. 82). ...„И прихождаху оба тыи честные и богоугодные іереи въ царскія палаты и простираху ученія духовное: и пріемляше благословеніе отъ нихъ царь и царица и словесъ ихъ душеполезныхъ послушаху въ сладость". (Мат. по ист. раск., т. I, с. 277). ...„а Іоаннъ управляше добрѣ ввѣренную себѣ церковь, къ ней же и самъ благочестивый государь Алексѣй Михайловичъ съ благовѣрною царицею и съ благородными своими чады, прихождаше часто слышанія ради словесы Божія, Іоанновыми усты проповѣдуемаго (тамъ же, с. 279).

[4]) Попъ Андрей, говоря съ Лукинскимъ попомъ о единогласіи, сказалъ: „чтобы имъ съ Казанскимъ протопопомъ (Нероновымъ) въ единогласномъ пѣніи дали жеребей, и будетъ ево вѣра права и они де и всѣ

тельство смотрѣло на эти преобразованія, какъ на свое домашнее церковное дѣло.

Съ кончиной патріарха Іосифа и съ избраніемъ на его мѣсто Никона церковныя исправленія получили болѣе широкое примѣненіе, и потому потребовалась помощь болѣе образованныхъ людей изъ греческаго и малорусскаго духовенства. Новый патріархъ поставилъ все дѣло исправленія церковныхъ книгъ и обрядности на почву между-церковную и первенствующее, рѣшающее участіе въ немъ предоставилъ восточной церкви. Правда, еще предшественникъ Никона, патріархъ Іосифъ, въ 1650 г., не рѣшаясь ввести единогласное пѣніе въ церквахъ, обращался за разрѣшеніемъ этой „великой церковной потребы" къ константинопольскому патріарху Парѳенію. Но при Никонѣ сношенія съ восточными патріархами по вопросамъ церковной обрядности и книжности значительно участились, такъ какъ онъ безусловно вѣрилъ въ неприкосновенную чистоту обрядовъ греческой церкви и самому дѣлу церковныхъ исправленій придавалъ особую важность; къ тому же въ это время стали чаще пріѣзжать въ Россію за милостынею монахи изъ Греціи и съ востока и охотно служили посредниками въ сношеніяхъ Никона съ восточною церковью. Подъ вліяніемъ послѣдней онъ рѣшился пригласить для руководства церковными исправленіями болѣе свѣдущихъ въ этомъ дѣлѣ малорусскихъ и греческихъ монаховъ. Такого поворота дѣла не могли одобрить Нероновъ и его товарищи: это оскорбляло ихъ русское самолюбіе, и кромѣ

учнутъ пѣть и говорить". (См. Распросныя рѣчи о единогласіи (1651 г.) Зап. отд. рус. и слав. Археологіи Импер. Р. А. О., т. II, с. 396). ...„сказавше всякую рѣчь съ толкованіемъ дабы разумно было всѣмъ христіанамъ. Такожде и пѣніе церковное устави пѣти и глаголати единогласно и благочинно и отъ того времени во всѣхъ церквахъ единогласное и благочинное пѣніе установися". (Мат. по ист. раск., т. I, с. 277). „И прихождаху многъ народъ въ церковь послушаху пѣнія и чтенія Божественныхъ словесъ. Написа же и окрестъ стѣны святыя церкви поучительныя словеса, да всякъ, приходяй къ церкви, аще и кромѣ пѣнія прочтуетъ написанная на стѣнахъ и пользу душѣ пріемлетъ". (т. I, с. 279).

того онѝ теряли черезъ это почти все свое вліяніе на церковныя дѣла. Вскорѣ Никонъ совершенно отстранилъ ихъ отъ участія въ церковныхъ исправленіяхъ. Это распоряженіе патріарха возстановило ихъ окончательно противъ него. Съ этихъ поръ они рѣшились открыто противодѣйствовать ему.

Первое явное столкновеніе Неронова съ патріархомъ Никономъ произошло по поводу суда надъ муромскимъ попомъ Логгиномъ по обвиненію его муромскимъ же воеводою въ хулѣ на св. иконы [1]). Для выясненія виновности Логгина патріархъ созвалъ соборъ въ Крестовой Палатѣ въ іюлѣ 1653 г. Между прочими, присутствовавшими на этомъ судѣ, находился и протопопъ Московскаго Казанскаго собора Иванъ Нероновъ. Дѣло было рѣшено не въ пользу Логгина, вслѣдствіе чего Никонъ приказалъ подвергнуть его заточенію.

Сущность самаго обвиненія изложена Нероновымъ въ „Росписи", поданной имъ на имя Государя. Но судить о виновности или невиновности Логгина въ этомъ дѣлѣ на основаніи этого пристрастнаго разсказа, конечно, нельзя [2]). Напримѣръ, сочинитель его не только въ этой „Росписи", но и въ челобитной своей на имя вселенскихъ патріарховъ, поданной имъ въ 1666 г. [3]) говоритъ, что Никонъ рѣшилъ дѣло по собственному усмотрѣнію, мстя Логгину за его прежнее обличеніе въ „небрежномъ, высокоумномъ и гордомъ житіи". Между тѣмъ дѣло разсматривалось и рѣшилось соборомъ,

---

[1]) По словамъ Неронова, вина Логгина состояла въ томъ, что онъ укорилъ жену муромскаго воеводы, когда она подошла, у себя въ домѣ, къ нему подъ благословеніе, что она бѣлится. Присутствовавшіе же, обидѣвшись за нее такимъ замѣчаніемъ, возразили, что и св. иконы не пишутся безъ бѣлилъ, слѣдовательно, онъ, Логгинъ, хулитъ тѣмъ самымъ и иконы, на что послѣдній возражалъ, что въ иконописаніи употребляются различныя краски, однако никто не пожелаетъ вымазать ими себѣ лицо". См. Мат. по ист. раск., т. I, с. 43.

[2]) См. тамъ же, с. 234.

[3]). См. Записка о жизни Неронова съ 1653 — 1659. Матер. по ист. раск., т. I, с. 148 — 151, 156 — 158.

какъ это можно видѣть, между прочимъ, изъ той же „Росписи“. Кромѣ того, Никонъ, на сколько можно судить по дальнѣйшимъ его отношеніямъ къ Неронову, не только не позволялъ себѣ прибѣгать къ мщенію изъ-за личной обиды, но, напротивъ того, былъ иногда въ высшей степени терпѣливъ и снисходителенъ къ своимъ противникамъ и врагамъ; это проглядываетъ, напримѣръ, въ „Запискѣ“ Ѳеоктиста о жизни Неронова, несмотря на то, что она написана видимо съ цѣлью выставить Никона въ невыгодномъ свѣтѣ.

Нероновъ, уже раньше питавшій враждебное чувство къ патріарху за устраненіе свое и своихъ единомышленниковъ отъ участія въ исправленіи церковныхъ книгъ и за нѣкоторыя отступническія, по его мнѣнію, церковныя новшества Никона [1]), и не забывавшій своего прежняго вліянія, — сталъ теперь противиться осужденію Логгина, какъ своего сторонника, и настаивать на необходимости получить царское согласіе на приговоръ собора [2]). Никонъ, по увѣренію Неронова, отвѣчалъ будто бы на это, въ дерзкихъ выраженіяхъ, что онъ въ царской помощи не нуждается и презираетъ ее [3]). И за эти слова Нероновъ рѣзко папалъ на патріарха.

Что касается подобнаго оскорбленія царя патріархомъ, то очевидно, какъ это можно убѣдиться изъ послѣдующаго, что Нероновъ въ своей „Росписи“ невѣрно передаетъ разсказъ о происходившемъ на соборѣ [4]). Если Никонъ дѣйствительно высказалъ, что нибудь такое, что̀ дало поводъ обвинять его въ оскорбленіи царя, то это, безъ сомнѣнія, ограничи-

---

[1]) Именно за ограниченіе числа земныхъ поклоновъ (4 вмѣсто 17) при чтеніи молитвы св. Ефрема Сирина въ св. четыредесятницу. Мѣра эта была принята Никономъ въ 1653 г. передъ великимъ постомъ. Макарій, истор. рус. церкви, т. XII, с. 118.

[2]) Матер. по ист. раск., т. I, с. 44.

[3]) „Мнѣ де царская помощь не годна и не надобна де, да таки на нее де плюю и сморкаю“. См. тамъ же.

[4]) Проф. Субботинъ также полагаетъ, что Нероновъ передаетъ слова Никона не въ томъ видѣ и не въ томъ смыслѣ, какъ они были сказаны. Матер. по истор. раск., т. I, с. 44, примѣч.

валось тѣмъ, что онъ не призналъ нужнымъ подкрѣплять соборный приговоръ по осужденію Логгина царскимъ согласіемъ, сказавъ вѣроятно, что въ такихъ церковно-судебныхъ дѣлахъ излишне обращаться къ царю[1]).

По окончаніи собора по дѣлу Логгина, Нероновъ черезъ посредство царскаго духовника Стефана Вонифатьева (также отстраненнаго отъ участія въ исправленіи книгъ и потому врага Никона), имѣвшаго большое вліяніе при дворѣ, подалъ царю доносъ на патріарха въ оскорбленіи имъ царскаго Величества, причемъ приводилъ вышеупомянутыя рѣзкія выраженія его и ссылался на свидѣтелей. Царь тотчасъ же приказалъ произвести слѣдствіе. Розыскъ показалъ, что доносъ Неронова ложенъ. Поэтому то государь, получивъ впослѣдствіи „Роспись“ Неронова, въ которой онъ описывалъ свое столкновеніе съ патріархомъ, не обратилъ на нее никакого вниманія и отдалъ ее Никону вмѣстѣ со многими другими письмами, наполненными извѣтами на него; даже во время опалы его, когда искали обвиненій противъ него, — о дерзкихъ рѣчахъ, упомянутыхъ въ „Росписи“, не было и помину, хотя Нероновъ донесъ о нихъ и вселенскимъ патріархамъ въ челобитной на соборѣ 1667 г.[2]). Вообще вся „Роспись“ написана явно съ цѣлью очернить Никона передъ царемъ, между тѣмъ поведеніе самого Неронова на соборѣ, на основаніи его собственнаго изложенія, поражаетъ своей рѣзкостью и грубостью[3]).

И, такъ, доносъ на патріарха оказался ложенъ. Тогда Никонъ созвалъ духовныя власти на соборъ для суда надъ Нероновымъ за его рѣзкую выходку на предъидущемъ соборѣ по дѣлу Логгина и за клевету на патріарха.

Лживость доноса Неронова вновь подтвердилась здѣсь даже свидѣтелями его, хотя онъ и утверждалъ, что они съ умысломъ отреклись отъ своихъ прежнихъ показаній, благопріятныхъ

[1]) Мат. по ист. раск., т. I, с. 42, примѣч. и с. 235.

[2]) Тамъ же, с. 46—49.

[3]) Тамъ же, с. 128.

ему. Однако Нероновъ, „побуждаемый бѣсовскою гордостью", какъ сказано въ соборномъ дѣяніи 1656 г.[1]), не захотѣлъ сознаться въ своей винѣ и выказалъ еще большее озлобленіе: онъ сталъ укорять и хулить весь соборъ и лживыми, рѣзкими словами клеветалъ на патріарха. Когда послѣдній замѣтилъ Неронову (на его жалобу, что его несправедливо судятъ), что онъ судилъ на основаніи Евангелія, Нероновъ сталъ оспаривать это и возражать Никону, говоря, что онъ дѣйствуетъ противно духу евангельскому, что онъ ненавидитъ своихъ доброжелателей, жалуетъ и слушаетъ клеветниковъ и шепотниковъ, взводящихъ напраслину на богомольцевъ и добрыхъ людей[2]). Когда присутствовавшій при этомъ архидіаконъ Григорій, желая сдержать Неронова, вмѣшался въ споръ, то раздраженный протопопъ обратился къ Никону съ новыми укоризнами, что онъ приблизилъ къ себѣ этого Григорія и его совѣтниковъ, которыхъ прежде называлъ „врагами Божіими, разорителями Закона Господня", а отъ тѣхъ достойныхъ людей[3]), съ которыми прежде совѣтывался, отступился, потому что они въ его глазахъ стали порочны[4]). Нероновъ нападалъ далѣе, въ своей рѣчи, на патріарха за то, что, преслѣдуя духовенство за жестокое обращеніе, онъ самъ не знаетъ мѣры суровости и даетъ волю своему жесто-

---

[1]) Мат. по ист. раск., т. I, с. 45—46.

[2]) Нероновъ, Вонифатьевъ и ихъ единомышленники. Относительно Стефана Вонифатьева слѣдуетъ замѣтить, что онъ самъ былъ виновникомъ перемѣны, происшедшей въ отношеніяхъ къ нему Никона, выказывая къ послѣднему недоброжелательство потому, что самъ еще недавно при избраніи патріарха разсчитывалъ быть облеченнымъ въ этотъ санъ. Тайная злоба его противъ Никона обнаруживается, между прочимъ, и въ посредничествѣ его въ доносѣ Неронова объ оскорбленіи царя патріархомъ.

[3]) „Тогда у тебе вси непорочніи были, а нынѣ у тебе тѣ же люди недостойніи стали... доселѣ ты другъ намъ былъ,—на насъ возсталъ. А коихъ ты разорилъ и ихъ мѣсто построилъ иныхъ, и отъ нихъ добраго ничего не слышать". Мат. по ист. раск., т. I, с. 47.

[4]) Тамъ же, с. 48.

косердію, что онъ хулитъ то самое Уложеніе, къ которому между тѣмъ „страха ради“ руку приложилъ при составленіи его и которое называлъ прежде добрымъ [1]). Въ своемъ увлеченіи Нероновъ дошелъ до дерзостей, называлъ патріарха лжецомъ, мучителемъ, несмотря на попытки архидіакона Григорія удержать его порывъ, и объявилъ даже, что похуляетъ весь соборъ.

Все это изложено самимъ Нероновымъ въ „Росписи“. Можно было бы, пожалуй, поставить ему въ заслугу, что онъ такъ откровенно и безпристрастно (повидимому) сознается въ своихъ дерзкихъ рѣчахъ, какъ бы въ покаяніе. Но если принять въ соображеніе, что „Роспись“ была написана имъ въ полной увѣренности въ своей правотѣ, была написана для царя съ цѣлью очернить Никона въ его глазахъ, то впечатлѣніе окажется совершенно иное и читатель убѣждается, до какой степени Нероновъ былъ самоувѣренъ, самообольщенъ и безотчетно враждебенъ Никону. Что касается жестокостей послѣдняго, о которыхъ говоритъ Нероновъ, то въ нихъ позволительно усомниться. Никонъ былъ, правда, очень строгъ относительно исполненія обязанностей, но въ личныхъ своихъ отношеніяхъ выказывалъ иногда рѣдкую терпѣливость, самообладаніе и даже снисходительность, какъ это видно изъ его отношеній къ этому же самому Неронову, человѣку упорному и грубому, который во все время управленія Никона обнаруживалъ ожесточенную вражду противъ него и всѣми средствами добивался его низверженія. Такъ, напримѣръ, по изложенію самого Неронова въ „Росписи“, патріархъ на описываемомъ соборѣ поражаетъ своимъ незлобіемъ: на всѣ грубые и рѣзкіе нападки Неронова онъ отвѣчаетъ въ высшей степени сдержанно. Если бы Никонъ позволилъ себѣ сказать что нибудь дерзкое или обратился съ нимъ сурово, Нероновъ, безъ сомнѣнія, не преминулъ бы выставить это въ своемъ разсказѣ. Весьма вѣроятно однако, что исполнители предписаній патріарха обращались жестоко съ виновными,

[1]) См. Матер. по ист. раскола, т. I, стр. 45—49.

подвергшимися церковной карѣ; но не надо забывать, что это было въ духѣ времени, а не по винѣ Никона; напротивъ того, онъ, по признанію самого Неронова, преслѣдовалъ за это своихъ подчиненныхъ. Обвиненіе патріарха въ непослѣдовательныхъ отзывахъ его объ Уложеніи также несправедливо. Стоитъ припомнить только, что говорилъ, между прочимъ, Никонъ въ своихъ отвѣтахъ на возраженія боярина Стрѣшнева. Онъ прямо указывалъ, что Уложеніе было утверждено и скрѣплено собственноручными подписями всего собора, по приказанію государя[1]). Слѣдовательно, и Никонъ, бывшій тогда митрополитомъ Новгородскимъ, слѣдуя примѣру патріарха Іосифа, подписался по указу государеву, а не потому, что считалъ это Уложеніе „добрымъ" въ церковномъ отношеніи.

За дерзкое поведеніе и хулу на соборъ Нероновъ былъ присужденъ къ заточенію въ монастырь. 4-го августа его отвезли въ Спасскій монастырь, а затѣмъ въ тотъ же день перевели въ Симоновъ подъ строгій надзоръ. Черезъ недѣлю Нероновъ былъ привезенъ на Царево-Борисовскій дворъ, а оттуда въ соборную церковь, гдѣ съ него сняли скуфью[2]). Послѣ этого его опять отправили въ Симоновъ монастырь, а 13-го августа онъ былъ переведенъ въ Спасо-Каменскій монастырь за Вологду подъ крѣпкое начало.

Нероновъ увѣрялъ впослѣдствіи царя, что его немилосердно били и везли въ телѣгѣ очень быстро намѣренно, чтобы уморить его тряскою[3]). Но тряска по плохимъ дорогамъ въ телѣгѣ вполнѣ естественна, и едва ли выдумка Не-

---

[1]) См. Зап. отд. рус. и слав. Археолог. И. А. О., т. II, ст. 423: „и указалъ Государь то все уложеніе написать и закрѣпить списокъ святѣйшему Іосифу и всему освященному собору... и далѣе... „и по Государеву Цареву Указу и весь освященный соборъ на спискѣ руки свои приложилъ".

[2]) См. Мат. по ист. раск., т. I, стр. 32, 33: Письмо Ивана Данилова къ Ивану Неронову отъ 29 сентября 1653 года.

[3]) Тамъ же.

ронова справедлива; скорѣе предположить, что быстрая ѣзда была вызвана желаніемъ сопровождавшихъ его лицъ избѣгнуть этимъ остановокъ при встрѣчѣ съ народомъ, въ которомъ уже появлялось сочувствіе къ Неронову.

Послѣ ссылки Неронова между его единомышленниками начались раздоры: братья стала нерадѣть къ церковнымъ службамъ; въ домѣ самого Неронова также начались безпорядки: стали пьянствовать, ссориться и мало-по-малу братья разбрелась. Насколько рѣшителенъ былъ разладъ между единомышленниками Неронова, свидѣтельствуетъ столкновеніе Аввакума съ причтомъ Московскаго Казанскаго собора, имѣвшее для него роковое послѣдствіе. Дѣло происходило 13-го августа, въ субботу, во время всенощнаго бдѣнія. Аввакумъ хотѣлъ камѣнить собой Неронова въ чтеніи и толкованіи Евангелія, ссылаясь на свое старшинство въ священнослуженіи, будто бы переданное ему Нероновымъ. Между тѣмъ причтъ Казанскаго собора съ Иваномъ Даниловымъ во главѣ, не хотѣлъ признать этого старшинства и не далъ читать Аввакуму Евангелія, тѣмъ болѣе, что онъ уже говорилъ въ этотъ день съ паперти церковное поученіе народу, причемъ порицалъ распоряженія церковной власти относительно исправленія церковныхъ обрядовъ, вооружая такимъ образомъ народъ противъ церкви. Спорами и бранью Аввакума заставили удалиться изъ церкви [1]).

Иванъ Даниловъ нѣсколько позже въ письмѣ своемъ къ Неронову [2]) старался оправдаться отъ обвиненій противъ него въ этой рѣзкой выходкѣ [3]), но едва ли можно ему повѣрить, что вся вина въ этомъ столкновеніи падаетъ на Аввакума.

Тотчасъ послѣ этого происшествія Аввакумъ поѣхалъ провожать въ ссылку Неронова (который въ этотъ день, 13 августа, отправленъ былъ изъ Симонова монастыря въ Спасо-

[1]) См. Матер. по ист. раскол., т. I, стр. 29—30.

[2]) Отъ 29 сентября 1653 г.

[3]) Тамъ же.

Каменскій), отчасти для того, вѣроятно, чтобы пожаловаться ему на поведеніе братьи. По возвращеніи своемъ въ Москву, Аввакумъ уже въ Казанскій соборъ ходить не сталъ, а пошелъ въ Аверкіевскую церковь и тамъ поучалъ народъ будто бы (по словамъ Данилова) безъ вѣдома аверкіевскаго попа [1]). Благодаря противодѣйствію причта Казанскаго собора, Аввакумъ и здѣсь потерпѣлъ неудачу. Тогда онъ устроилъ всенощное бдѣніе въ домѣ Неронова въ Сушилѣ, причемъ многіе изъ прихожанъ Казанскаго собора послѣдовали за нимъ и зазывали другихъ изъ церкви, говоря, что „и конюшня де иныя церкви лучше" [2]). Видя такой соблазнъ, причтъ Казанскаго собора донесъ объ этомъ незаконномъ сборищѣ въ Сушилѣ патріарху, вслѣдствіе чего немедленно посланъ былъ туда Борисъ Нелединскій со стрѣльцами для взятія ихъ подъ стражу. Это было въ ночь съ 20-го на 21-е августа [3]). Борисъ Нелединскій со стрѣльцами ворвался

[1]) Тамъ же, стр. 30.

[2]) См. письмо Данилова къ Неронову отъ 29 сент. 1653 г. Матер., стр. 31.

[3]) Г. Субботинъ (примѣч. къ письму Аввакума Неронову въ Спасо-Каменскій монастырь отъ 14 сент.) полагаетъ, что этотъ прискорбный случай произошелъ 13 авг., т. е. въ день столкновенія Аввакума съ причтомъ Казанскаго собора. Но правильнѣе отнести его къ 20-му августа на основаніи слѣдующихъ соображеній. Изъ письма Данилова видно, что у Аввакума было 2 столкновенія: первое въ Казанскомъ соборѣ, второе— въ Аверкіевской церкви, послѣ котораго онъ и устроилъ всенощную въ Сушилѣ. Въ промежутокъ между ними Аввакумъ, какъ выше было сказано, ѣздилъ провожать Неронова въ ссылку; объ этомъ свидѣтельствуетъ Даниловъ въ письмѣ къ Неронову послѣ описанія ихъ столкновенія въ Казанскомъ соборѣ: „А какъ былъ Аввакумъ у тебя, провожалъ тебя, пріѣхалъ въ Москву, къ намъ въ церковь не пошелъ". Кромѣ того Аввакумъ въ письмѣ къ Неронову говоритъ: „собрался послѣ тебя въ 1-е воскресенье побдѣти"... т. е. послѣ свиданія съ нимъ въ его ссылкѣ, куда онъ поѣхалъ его провожать 13 авг., слѣдовательно 20 авг. Это число подтверждается также и другимъ мѣстомъ изъ письма Аввакума къ Неронову: „по Воздвиженьевъ день (14 сент.) ношу цѣпь со стуломъ четвертую недѣлю. Если считать съ 20 авгус., то 14-е сент. именно и придется на четвертой недѣлѣ, а если считать съ 13 авг., то на пятой. Г. Суббо-

въ домъ въ то время, когда Аввакумъ отправлялъ съ братьею въ Сушилѣ богослуженіе. Грубо расправившись съ виновными[1]), они отвели всѣхъ ихъ, а именно 33 человѣка, на патріаршій дворъ, не давъ окончить богослуженіе. Братью Аввакума посадили въ тюрьму и держали тамъ съ недѣлю. Затѣмъ патріархъ велѣлъ привести ихъ въ церковь и проклялъ ихъ во время литургіи, послѣ чего приказалъ вывести ихъ изъ церкви и болѣе не пускать туда. Аввакума же заковали въ оковы въ первый же день взятія подъ стражу и отправили въ Андроньевъ монастырь. Черезъ 10 дней Никонъ востребовалъ его для суда надъ нимъ. На судѣ Аввакумъ говорилъ очень рѣзко о своихъ противникахъ. За всѣ свои проступки и вины онъ былъ присужденъ къ ссылкѣ[2]).

Одинъ изъ единомышленниковъ Аввакума, царскій духовникъ Стефанъ Вонифатьевъ, теперь начиналъ измѣнять своимъ прежнимъ друзьямъ, такъ какъ видѣлъ, что они затѣваютъ неравную борьбу[3]). Послѣ ссылки Аввакума въ домѣ Неронова пошли еще большія дрязги. Отъ этихъ безпорядковъ и раздоровъ страдали церковныя дѣла: оставшаяся братья нерадѣла къ службамъ, прихожане же многіе перестали посѣщать ихъ церкви, другіе были сосланы или отлучены за соучастіе въ попыткѣ отдѣлиться отъ церкви[4]).

Нероновъ, получивъ отъ своихъ единомышленниковъ извѣстіе о печальной участи, постигшей ихъ, написалъ письмо царю, ходатайствуя за нихъ[5]). Онъ увѣрялъ царя, что его

тинъ полагаетъ, что Аввакумъ ѣздилъ провожать Неронова 4 авг. и возвратился послѣ 7-го, поэтому первое воскресенье послѣ этого будетъ 13 авг. Но съ 4 по 13-е Нероновъ находился еще въ Симоновомъ монастырѣ и, слѣдовательно, провожать его въ ссылку нельзя было.

[1]) Аввакумъ говоритъ, что стрѣльцы „попрали книги“, а его самого „стали бить взашей и за волосы брать, въ патрахили“. Матер., т. I, стр. 22.

[2]) См. письмо Аввакума къ Данилову отъ 14 сент. 1653 г. Матер., т. I, стр. 23—25.

[3]) См. Макарій — Истор. рус. церкви, т. XII, стр. 132.

[4]) Матер. по истор. раскола, т. I, стр. 132—133.

[5]) Тамъ же, стр. 34. Посланіе протопопа Ивана Неронова къ царю

обманываютъ и хотятъ благочестіе извратить, что единомышленниковъ его судили неправильно судомъ мірскимъ, что прежде Никонъ ихъ не осуждалъ за тѣ же дѣла. Въ письмѣ онъ упоминалъ между прочимъ объ извѣщеніи свыше, бывшемъ въ Чудовомъ монастырѣ по случаю первыхъ распоряженій Никона объ ограниченіи числа земныхъ поклоновъ и о троеперстіи. Письмо написано съ оттѣнкомъ смиренія, даже униженія, хотя Нероновъ, повидимому, искренно убѣжденъ въ своей правотѣ[1]). Несправедлива однако его жалоба на неправильный судъ надъ его друзьями: ихъ судили не гражданскимъ судомъ, а церковнымъ, также какъ и самого Неронова; писалъ же это онъ со словъ своихъ друзей. Замѣчательно, что Нероновъ и Аввакумъ были сторонниками единогласнаго пѣнія, вызвавшаго столько неудовольствій въ духовенствѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ противились остальнымъ церковнымъ преобразованіямъ[2]).

27 февраля слѣдующаго года (1654) Нероновъ вторично написалъ царю[3]), причемъ высказывалъ мысль о приближеніи антихриста, признаками чего, по его мнѣнію, служили еретическія церковныя новшества Никона. Въ письмѣ Нероновъ просилъ защиты у царя для своихъ единомышленниковъ, которыхъ свѣтскія власти „жестоко мучили". Проникнутый сознаніемъ своей правоты, онъ жаловался, что въ церкви открылась язва самоуправства, преступающаго церковные уставы, положенные отцами церкви для утвержденія и просвѣщенія душъ, напоминалъ царю, что его друзей гонятъ за правду и судили судомъ мірскимъ, а не по правилу св. отецъ и апостоловъ (это, какъ уже было выше замѣчено, несправедливо); онъ негодовалъ на то, что явился искуситель, потрясающій основы церкви, отмѣняющій колѣнопре-

Алексѣю Михайловичу изъ Спасо-Каменскаго монастыря отъ 6 Ноября 1653 года.

[1]) Тамъ же, см. стр. 34—40.

[2]) См. примѣч. г. Субботина. Матер., стр. 39.

[3]) См. 2-е посланіе Неронова къ царю отъ 27-го февр. 1654 г. Мат., 51.

клоненіе, измѣняющій перстосложеніе при крестномъ знаменіи, вводящій новшества не отъ Писанія; онъ указывалъ царю, что при прежнихъ ересяхъ съ виновными не поступали такъ, какъ поступаютъ теперь, что къ нимъ относились съ бо̀льшею любовью, стараясь всякими увѣщаніями и испытаніями обратить на путь истинный, а не мучили ихъ [1]). Въ защиту колѣнопреклоненія онъ ссылался на свидѣтельство Никона Черногорскаго, но ссылка эта неудачна, какъ справедливо доказываетъ г. Субботинъ [2]), потому что блаженный Никонъ Черногорскій возражалъ не противъ совершеннаго устраненія колѣнопреклоненія, а лишь противъ уменьшенія числа земныхъ поклоновъ и замѣны излишнихъ поясными, какъ это сдѣлалъ патріархъ. Нероновъ называлъ Никона въ письмѣ „непокоряющимся святой церкви, мнимымъ патріархомъ", утверждалъ, что онъ подъ вліяніемъ гордости хулилъ и ни во что не ставилъ царя [3]). Относительно церковныхъ книгъ Нероновъ увѣрялъ царя, что когда ихъ стали печатать, онѣ были доведены въ отношеніи перевода до совершенства. Между тѣмъ извѣстно, что стоглавый соборъ одновременно съ печатаніемъ ихъ призналъ текстъ ихъ искаженнымъ, благодаря невѣжественности переписчиковъ [4]). Невѣрно также мнѣніе Неронова, что старопечатныя книги переведены съ греческаго. Старые заправители книжнаго дѣла, исправщики не знали греческаго языка и возстали, когда ихъ замѣнили другими, свѣдущими въ греческомъ языкѣ, такъ какъ необходимо было сличить славянскій текстъ съ греческимъ [5]). Нероновъ ссылался между прочимъ на Максима Грека, но его исправленія и сличенія подлинниковъ вызвали однако неудовольствіе старообрядцевъ. Далѣе Нероновъ нападалъ на чернеца Арсенія, про котораго іеру-

[1]) Тамъ же, стр. 53 и 54.

[2]) Матер., стр. 55, примѣч. г. Субботина.

[3]) Тамъ же, стр. 60 и 61.

[4]) Тамъ же, стр. 62, примѣч. г. Субботина.

[5]) Тамъ же, стр. 63, примѣч.

салимскій патріархъ изъ Путивля писалъ, что онъ еретикъ и котораго сослали въ Солевецкій монастырь, а Никонъ взялъ его опять въ Москву и приблизилъ къ себѣ. Впослѣдствіи, въ январѣ 1657 г., Никонъ на это же самое обвиненіе Неронова возражалъ ему [1]), что „на него солгалъ по ненависти троицкій старецъ Арсеній Сухановъ, келарь Сергіевскаго монастыря, куда посланъ былъ по государеву указу и по благословенію патріарха Іосифа въ Іерусалимъ и прочія государства". Въ подтвержденіе истинности двуперстія Нероновъ ссылался на иконы греческія, находившіяся въ Москвѣ [2]), но не указывалъ, какія именно и не упоминалъ о тѣхъ, гдѣ перстосложеніе несогласно съ Мелетіемъ, Ѳеодоритомъ и Максимомъ Грекомъ, стоявшими за двуперстіе. Онъ просилъ также царя созвать настоящій соборъ не только изъ архіереевъ, но изъ выборныхъ отъ всего духовенства и даже мірянъ. Въ этомъ сказывалось недоброжелательство и недовѣріе Неронова къ высшей церковной іерархіи, состоявшей изъ чернаго духовенства; онъ требовалъ участія въ дѣлахъ церкви и бѣлому духовенству, къ которому самъ принадлежалъ и которое вообще было непріязненно къ монахамъ. Какъ извѣстно, мысль Неронова о соборѣ была осуществлена вскорѣ (въ 1654 г.) [3]). Далѣе въ письмѣ онъ умолялъ царя съ предосторожностью принимать *чужеземныхъ (греческихъ) монаховъ*, удостовѣряясь напередъ въ ихъ нравственныхъ качествахъ, потому что они „сатанинской гордости, многоядѣнію и пьянству преданы, мягкость и буйство любятъ, перстосложеніе искажаютъ, покоя ради не колѣнопреклоняются, разумъ Божественнаго Писанія лукаво скрываютъ" [4]). Это мѣсто письма очень важно, какъ указаніе на то, что Нероновъ, а слѣдовательно и его единомышленники, видѣли въ

---

[1]) См. записку о жизни Неронова, составл. Ѳеоктистомъ. Матер. по ист. раск., т. I, стр. 150.

[2]) Тамъ же, стр. 65, примѣч. г. Субботина.

[3]) Тамъ же, стр. 66.

[4]) Тамъ же, стр. 67.

церковныхъ исправленіяхъ Никона дѣло, руководимое греками, а потому обвиняли патріарха въ ереси, приписываемой иноземнымъ инокамъ, виновникамъ нововведеній. Нероновъ, въ бытность свою въ Москвѣ, могъ лично убѣдиться въ томъ, что починъ и руководство исправленіями давалось греками и малороссами, замѣнившими прежнихъ справщиковъ. Въ то время многіе греки пріѣзжали въ Москву за милостыней и поражали русское духовенство, привязанное къ обрядности, своимъ небрежнымъ отношеніемъ къ ней и нравственною распущенностью [1]).

Поэтому то въ настоящемъ письмѣ Нероновъ и высказалъ искреннее убѣжденіе свое, что въ церковь православ-

[1]) Здѣсь весьма кстати вспомнить, какъ отзывался о грекахъ еще въ 1650 г. старецъ Арсеній Сухановъ, посланный патріархомъ Іосифомъ на востокъ для изученія тамошнихъ церковныхъ обрядовъ: „А что ты (патріархъ Паисій) говоришь, будто бы греки — источникъ всѣмъ намъ въ вѣрѣ, то вы высокую рѣчь говорите. Источникъ вѣры—Христосъ Богъ. Вы греки той вѣры, которая подкрѣплена вселенскими соборами, не держите... Вы греки называете себя источникомъ для всѣхъ вѣрныхъ, какъ папа называетъ себя главою церкви, мы же говоримъ вамъ, что и папа не глава церкви, и греки не источникъ всѣмъ. А если и были источникомъ, то нынѣ онъ пересохъ; вы и сами страдаете отъ жажды, какъ же вамъ напоять весь свѣтъ изъ своего источника. (См. 2-е преніе о вѣрѣ съ греками)... Ваши греческія книги правятъ въ Венеціи и въ англійской землѣ, а въ нихъ напечатана самая главная римская ересь: „И въ духа Святаго иже отъ Отца и Сына исходящаго“. Такія книги слѣдовало вамъ сожигать. Въ нашихъ же книгахъ ереси нѣтъ; Государь Царь у насъ православный, ереси никакой не любитъ... Много у васъ преданія апостольскаго и отеческаго развалилось, а починить не хотите. Надмѣваясь гордостью называете себя источникомъ для всѣхъ въ вѣрѣ. (См. 3-е преніе о вѣрѣ). А станете писать противно Св. Апостоламъ къ Государю и патріарху, то на Москвѣ и 4 патріарховъ не послушаютъ; знаютъ на Москвѣ древнее преданіе и безъ четырехъ патріарховъ; могутъ на Москвѣ и 4 патріарховъ отринуть, какъ папу, если не православны будутъ... Книги вамъ печатаютъ въ Венеціи и учиться вы ходите въ Римъ и дидаскалы у васъ оттуда, навыкшіе тамъ еретическимъ обычаямъ. Все доброе, бывшее у васъ, перешло, благодатію Христовою, къ намъ въ Москву“. (4-е преніе). См. Макарій — Ист. рус. цер., т. XI, стр. 144—156.

ную вводятъ ересь. Такое убѣжденіе окрѣпло у него, какъ надо полагать, подъ вліяніемъ полученныхъ имъ отъ его единомышленниковъ свѣдѣній о дальнѣйшихъ, болѣе рѣшительныхъ дѣйствіяхъ Никона — по исправленію церковныхъ книгъ и обрядности по наущенію бывшаго константинопольскаго патріарха Аѳанасія Пателярія, который еще въ бытность Неронова въ Москвѣ „зазиралъ много въ неисправленіи Божественнаго Писанія и въ прочихъ церковныхъ винахъ“ [1]). И царь повидимому благосклонно относился къ участію, принимаемому Аѳанасіемъ въ начинаніяхъ Никона, тѣмъ болѣе, что въ сношеніяхъ съ восточными святителями была отчасти и другая, государственная цѣль; это видно, напримѣръ, изъ письма Аѳанасія, поданнаго имъ царю на прощальномъ пріемѣ. Онъ указывалъ въ письмѣ на права московскаго государя на обладаніе Царь-Градомъ, совѣтывалъ объявить войну туркамъ и, выгнавъ ихъ, взять у нихъ Константинополь, „иже есть слава мірская, похвала вселенная, царемъ держава“... [2]).

Одновременно съ только-что изложеннымъ письмомъ Неронова, онъ написалъ другое—царскому духовнику Стефану Вонифатьеву. Вонифатьевъ, сохранившій пріязненныя чувства къ Неронову, не одобрялъ однако его распри съ патріархомъ, съ которымъ наружно былъ въ хорошихъ отношеніяхъ, но въ глубинѣ души былъ враждебенъ ему и при случаѣ строилъ козни противъ него при дворѣ. Такъ, напримѣръ, онъ былъ посредникомъ въ передачѣ царю писемъ и доносовъ на Никона. Онъ пытался, впрочемъ, вѣроятно по желанію царя, примирить Неронова съ патріархомъ, тѣмъ болѣе, что послѣдній былъ не прочь помириться съ нимъ, и Вонифатьевъ съ этою цѣлью написалъ Неронову письмо, убѣждая его просить прощенія у патріарха, который готовъ его помиловать [3]). Но Нероновъ въ отвѣтномъ письмѣ къ Вонифатьеву наотрѣзъ отказывался и выставлялъ свою пра-

---

[1]) „Слово отвѣщательное въ печатной Скрижали“. Л. 1—3.

[2]) Древняя и Новая Россія. 1880 г., № 2, стр. 272.

[3]) Матер. по ист. раскола, т. I, стр. 170, примѣчаніе.

воту, весьма ожесточенно выражаясь о Никонѣ. Примиренiе съ патрiархомъ онъ называлъ малодушiемъ въ дѣлѣ перенесенiя пытокъ и гоненiя. Онъ писалъ, что когда Россiя бѣдствуетъ, благочестiе прекратилось, земные поклоны уничтожаютъ, перстосложенiе при крестномъ знаменiи искажаютъ, а братью оскорбляютъ и мучатъ, то онъ не можетъ оставаться въ покоѣ и равнодушно смотрѣть на это, а будетъ стоять за правду, уповая на помощь Божью [1]). Просить помилованiя у Никона отказывался, потому что не чувствуетъ вины своей предъ нимъ, да и святителемъ признаетъ только Христа, называть же Никона отцемъ — предоставляетъ другимъ; а онъ, Нероновъ, не признаетъ его, потому что онъ дѣйствуетъ по отношенiю къ нему не по Писанiю, но подъ влiянiемъ страсти и мучитъ его за правду. Безпрекословно повиноваться во всемъ патрiарху Нероновъ считалъ незаконнымъ, а потому предпочитаетъ быть его врагомъ, „потому-де и самъ Христосъ принесъ мiру рать и мечъ". „Когда душа прiемлетъ вредъ, а тѣмъ паче церковь и многимъ блазнь бываетъ и погибель душевная, то какое тутъ молчанiе?" [2]).

Нероновъ не только не хочетъ просить прощенiя у Никона, но требуетъ, чтобы самъ патрiархъ просилъ у него прощенiя за то, что „оскорбилъ его неповинно", и чтобы онъ предъ Богомъ принесъ покаянiе, что смутилъ церковь, отмѣнилъ земные поклоны и многихъ ввелъ въ соблазнъ". Нероновъ, проникнутый религiознымъ увлеченiемъ, сравниваетъ даже себя и своихъ единомышленниковъ съ мучениками христiанскими. Вообще въ письмѣ этомъ, кромѣ личнаго раздраженiя противъ Никона, просвѣчиваетъ глубокое, искреннее убѣжденiе въ томъ, что дѣло, предпринятое патрiархомъ, еретическое, пагубное.

Нероновъ, видя, что его письма къ царю не приносятъ ожидаемыхъ имъ плодовъ, 2 мая (1654 г.) написалъ письмо

1) Тамъ же, стр. 72.
2) Тамъ же, стр. 74 и 75.

царицѣ Марьѣ Ильинишнѣ [1]), надѣясь чрезъ ея содѣйствіе склонить царя на свою сторону. Онъ совѣтуетъ царю истребить сперва враговъ церкви, прежде чѣмъ идти въ походъ противъ иноплеменниковъ (поляковъ). Письмо написано съ оттѣнкомъ смиренія; въ немъ не видно личной злобы противъ патріарха. Нероновъ повидимому примиряется съ своею страдальческою участью и оправдывается тѣмъ, что не можетъ смотрѣть равнодушно на бѣдствіе церкви. Никона онъ называетъ „древле любимымъ нами по Бозѣ", а перемѣну, происшедшую въ патріархѣ, онъ приписываетъ волѣ Божіей, допустившей такое бѣдствіе, вѣроятно, съ благою для насъ цѣлью [2]). Въ этомъ письмѣ Нероновъ между прочимъ называетъ коломенскаго епископа Павла равнителемъ благочестія. Слѣдовательно, до него уже дошло свѣдѣніе о противодѣйствіи Павла на соборѣ 1654 г. и о постигшей его за это карѣ.

Тѣмъ же числомъ помѣчено и другое письмо Неронова — къ Стефану Вонифатьеву [3]). Онъ разбираетъ здѣсь отвѣтъ Вонифатьева на его первое письмо и приводитъ свои возраженія. Вонифатьевъ повидимому показалъ первое письмо Неронова (отъ 27 февраля) къ нему — царю, который по этому поводу сдѣлалъ свои замѣчанія и выразилъ удивленіе упрямству Неронова. Стефанъ Вонифатьевъ въ отвѣтномъ письмѣ своемъ [4]) и сообщалъ ему, что ни онъ, ни царь Алексѣй Михайловичъ не видятъ ничего противозаконнаго въ дѣйствіяхъ Никона. „Пишеши яко блазни не имате о патріархѣ,— все онъ доброе творитъ, но азъ облазнихся"... съ горькимъ сожалѣніемъ пишетъ Нероновъ. Онъ жалуется на несправедливое обращеніе Никона съ ревнителями православія. Онъ глубоко

[1]) Матер., т. I, стр. 78.

[2]) Тамъ же, стр. 82.

[3]) Тамъ же, стр. 84.

[4]) Сохранилось-ли это письмо или нѣтъ—неизвѣстно; до сихъ поръ оно не найдено, но о содержаніи его можно догадываться по письму Неронова. (См. тамъ же, примѣч.).

огорченъ тѣмъ, что царь, какъ ему писалъ Вонифатьевъ, недоволенъ его упорствомъ въ дѣлѣ примиренія съ Никономъ и не только уже не обращаетъ вниманія на его письма, но и запретилъ впредь посылать ему подобныя письма [1]). Кроткій царь, видно, мучился тѣмъ разладомъ, который начиналъ вкрадываться въ церковь, и употреблялъ всѣ усилія, чтобы водворить доброе согласіе и умиротворить враждовавшихъ, становясь посредникомъ между ними. И, конечно, мягкое сердце царя не допустило бы тѣхъ суровыхъ мѣръ, которыя были примѣняемы къ раскольникамъ, если бы его не останавливало глубочайшее уваженіе и сильная привязанность къ патріарху.

Нероновъ въ письмѣ къ Вонифатьеву выражаетъ соболѣзновеніе, что царь защищаетъ Никона и не оправдываетъ его враговъ, между прочимъ епископа коломенскаго Павла, подвергшагося опалѣ собора 1654 г. Онъ оспариваетъ указаніе патріарха по вопросу о земныхъ поклонахъ на древніе славянскіе переводы служебника, сдѣланные 200 или 300 лѣтъ ранѣе и вполнѣ согласующіеся съ греческими [2]). О нихъ шла рѣчь на соборѣ 1654 г. Очевидно, что Неронова извѣстили его единомышленники обо всемъ, что происходило на соборѣ. Вѣроятно даже, что это сообщеніе было сдѣлано ему Павломъ коломенскимъ, участвовавшимъ на соборѣ, такъ какъ въ росписи бумагъ, отобранныхъ въ 1667 г. у Ѳеоктиста въ Вяткѣ [3]), обозначена между прочимъ (подъ № 41) „отписка коломенскаго епископа Павла къ протопопу Ивану Неронову на осьми столбцахъ и иныя отписки“.

Письмо свое Нероновъ заключаетъ сожалѣніемъ, что не можетъ исполнить воли государя — помириться съ патріархомъ, потому что не чувствуетъ себя виновнымъ передъ нимъ. Онъ пишетъ, что съ радостью желалъ бы выказать

[1]) Тамъ же, стр. 86 и 87.

[2]) Тамъ же, стр. 88 и 89.

[3]) Смот. роспись бумагъ и писемъ, взятыхъ у Ѳеоктиста, тамъ же, стр. 323.

свою любовь къ царю, но боится Христа и не станетъ покоряться ради страха человѣческаго, такъ какъ это ввело бы въ соблазнъ и другихъ. Онъ проситъ не винить его въ упрямствѣ, потому что, если бы ему доказали его вину, то онъ охотно повергнулся бы къ стопамъ патріарха, чтобы просить прощенія [1]).

Упоминаніе въ этомъ письмѣ о несправедливой, по мнѣнію Неронова, карѣ, постигшей епископа Павла, заслуживаетъ особеннаго вниманія. Какъ извѣстно, Павелъ былъ сосланъ въ заточеніе [2]). Если подобная суровая мѣра была примѣнена незаслуженно, то такой поступокъ ложился бы темнымъ пятномъ на дѣятельность и самую личность патріарха Никона. Между тѣмъ, нѣкоторые изслѣдователи исторіи раскола высказываются объ этомъ не вполнѣ увѣренно, или для объясненія упомянутаго распоряженія Никона прибѣгаютъ къ толкованіямъ, которыя трудно допустимы и которыя совершенно противоположны мнѣніямъ объ этомъ предметѣ наиболѣе выдающихся историковъ [3]). Поэтому для выясненія этого вопроса необходимо сдѣлать нѣкоторое отступленіе.

Покойный митрополитъ Макарій [4]) полагалъ, что Павелъ коломенскій своею подписью на дѣяніи собора 1654 г. неоспоримо засвидѣтельствовалъ свое согласіе съ Уложеніемъ собора, но что частныя возраженія его по вопросу о поклонахъ могли раздражить Никона; въ нихъ онъ могъ видѣть какъ бы повтореніе прежняго противодѣйствія враждебной ему стороны [5]). При такомъ предположеніи кара, постигшая

[1]) Тамъ же, стр. 93.

[2]) Митрополитъ Макарій говоритъ (Ист. рус. цер., т. XII, стр. 146), что Никонъ кромѣ того лишилъ его каѳедры и подвергъ тяжкому тѣлесному наказанію. Но это, какъ будетъ видно изъ послѣдующаго, несправедливо.

[3]) Соловьевъ и Костомаровъ.

[4]) Въ сочин. „Никонъ, въ дѣлѣ исправленія церковныхъ книгъ“, стр. 39—41. „Истор. рус. церкви“, т. XII, стр. 145.

[5]) Павелъ былъ въ числѣ лицъ, которыя еще въ предъидущемъ 1653 г. возставали противъ патріарха за его распоряженіе о земныхъ поклонахъ.

Павла, не соотвѣтствуетъ его винѣ, слѣдовательно незаслуженая, даже если, какъ оговаривается далѣе преосвященный Макарій, онъ, можетъ быть, и позволилъ себѣ рѣзкія выраженія противъ Никона или высказалъ сомнѣніе въ необходимости предпринятаго имъ дѣла исправленія церковныхъ книгъ [1]).

Г. Субботинъ въ предисловіи къ изданному имъ дѣянію собора 1654 г. приходитъ къ убѣжденію, что Павелъ коломенскій, за исключеніемъ вопроса о поклонахъ, во всемъ прочемъ и даже съ общею мыслью, проведенной на соборѣ, объ исправленіи книгъ московской печати по древнимъ греческимъ и славянскимъ книгамъ,—выразилъ полное свое согласіе, что засвидѣтельствовалъ собственноручною подписью на дѣяніи собора; и слѣдовательно согласіе его было искреннее и непринужденное. Для того, чтобы объяснить себѣ причину кары, постигшей Павла, г. Субботинъ предполагаетъ, что противодѣйствіе онъ выказалъ послѣ собора, но до отправленія [2]) Никономъ грамоты къ Паисію константинопольскому, такъ какъ въ отвѣтной грамотѣ [3]) уже было выражено одобреніе тѣмъ мѣрамъ, которыя были приняты въ отношеніи Павла, а также Неронова. Причину этого внезапнаго противодѣйствія Павла г-нъ Субботинъ видитъ въ вліяніи Аввакума и Неронова. Но такое предположеніе, во-1-хъ, непонятно: трудно предположить, чтобы епископъ, непринужденно высказавшій на соборѣ свое полное согласіе на церковныя преобразованія, вдругъ по прошествіи весьма короткаго времени [4]), безъ всякой видимой причины, перемѣнилъ совершенно свой образъ мыслей по вопросу, составлявшему особенно въ то время предметъ громадной важно-

---

[1]) Тамъ же.

[2]) 12 іюня 1654 г.

[3]) Грамота константинопольскаго патріарха Паисія I къ московскому патріарху Никону. Спб. 1881 г.

[4]) По соображеніямъ почтеннаго издателя указанной грамоты, срокъ этотъ не могъ быть болѣе 1—$1^1/_2$ мѣсяцевъ.

сти для русской церкви; во-вторыхъ, нѣтъ никакихъ слѣдовъ вліянія за это время Неронова и Аввакума на Павла коломенскаго.

Оба эти довода весьма обстоятельно изслѣдованы уже въ послѣсловіи къ русскому изданію грамоты Паисія къ Никону [1]).

При этомъ почтенный издатель грамоты выражаетъ сомнѣніе въ достовѣрности исходныхъ предположеній г. Субботина, 1) объ искренности поведенія Павла на соборѣ и 2) о справедливости взведенныхъ на него и Неронова Никономъ въ грамотѣ Паисія обвиненій, но не входитъ въ дальнѣйшія разсужденія, которыя оправдывали бы такое сомнѣніе [2]).

Такъ какъ вопросъ объ обвиненіяхъ Никономъ Павла коломенскаго и Неронова въ грамотѣ Паисія имѣетъ большое значеніе для сужденія, съ одной стороны о самомъ Никонѣ, съ другой стороны о причинахъ, вызвавшихъ расколъ (какъ это будетъ видно изъ послѣдующаго), то необходимо остановиться нѣсколько долѣе для точнаго выясненія дѣла.

Въ грамотѣ Паисія, патріарха константинопольскаго, въ §§ 8 и 9 говорится о Павлѣ коломенскомъ и о Нероновѣ слѣдующее: ...„а что касается епископа коломенскаго Павла и одинаковаго съ нимъ (по воззрѣніямъ) протопопа, которые говорятъ, что ни книги ихъ, ни литургія, ни перстосложеніе не согласуются съ вашими и которые порочатъ молитвы наши (т. е. молитвы греческой церкви), будто онѣ совершаются страха ради человѣческаго, а не ради страха Божьяго, и говорятъ, что патріархъ (т. е. какъ таковой вообще) долженъ передъ совершеніемъ литургіи въ присутствіи другихъ іереевъ молиться иначе, именно униженнѣе и смиреннѣе страха ради Божьяго, и долженъ искать и другихъ молитвъ, разнящихся отъ тѣхъ, которыя заключаетъ въ себѣ грече-

[1]) Тамъ же, стр. 98—104.

[2]) Тамъ же, стр. 105.

ская литургія, особенно произносить молитвы о бѣдныхъ... то все это признаки ереси"... и т. д. Такой русскій переводъ гораздо ближе подходитъ по смыслу къ славянскому, напечатанному въ скрижали Никона. Въ вышеупомянутомъ же русскомъ изданіи грамоты это мѣсто переведено иначе: „Относительно же Павла епископа коломенскаго и протопопа его Исаи [1]), которые говорятъ, что они не согласны съ вами, ни касательно книгъ, ни литургіи, ни перстосложенія и *отвергаютъ* наши молитвы, какъ будто онѣ совершаются ради страха человѣческаго, а не ради страха Божія, и что *будто бы* на литургіи патріархъ молится иначе, чѣмъ другіе іереи, т. е. *хуже* и ниже страха ради Божія и *требуетъ* другихъ молитвъ, отличныхъ отъ тѣхъ, которыя заключаетъ въ себѣ наша литургія и особенно (говоритъ) о бѣдныхъ... отвѣчаемъ, что все суть признаки ереси и раскола". Вслѣдствіе этого и смыслъ означенной части грамоты значительно измѣняется, что и послужило причиною тѣхъ недоумѣній и затрудненій въ разъясненіи вопроса, въ которыя впалъ почтенный издатель грамоты [2]). Именно онъ говоритъ: „Оба эти лица обвиняются въ грамотѣ между прочимъ въ томъ что они опорочивали молитвы патріарховъ, утверждая, во-1-хъ, „что онѣ приносятся не ради страха Божьяго, а ради страха человѣческаго", во-2-хъ, что эти молитвы „ниже и хуже

[1]) Почтенный издатель грамоты совершенно естественно недоумѣваетъ, что за Исаія, протопопъ Павла коломенскаго, и почему въ славянскомъ переводѣ, помѣщенномъ въ Скрижали, изданной Никономъ въ 1656 г., вмѣсто Исаіи стоитъ имя Неронова, протопопа Московскаго Казанскаго собора. Въ греческомъ печатномъ изложеніи сказано: Καὶ τοῦ πρωτοπαπὰ αὐτοῦ ἠσαίου. Если обратить вниманіе, что послѣднее слово начинается не съ большой буквы, то является вопросъ, не есть ли это описка: вм. ἰσαίου—„одинаковаго" (т. е. по воззрѣніямъ). Тогда и родительный падежъ αὐτοῦ можетъ быть сочиненъ съ этимъ словомъ ἰσαίου и переводъ получится слѣдующій: „и одинаковаго (по взглядамъ) съ нимъ... протопопа". Очевидно, что рѣчь идетъ о Нероновѣ, но Паисій вѣроятно позапамятовалъ его имя. О Исаіи же нѣтъ никакихъ указаній.

[2]) Тамъ же, стр. 93—98.

страха ради Божьяго молитвъ обыкновенныхъ священниковъ" и въ-3-хъ „настаивали [1]) вслѣдствіе этого на введеніи въ литургію какихъ то особыхъ молитвъ, отличныхъ отъ тѣхъ, которыя заключались въ литургіи греческой церкви, а осебенно молитвъ о бѣдныхъ".

При такомъ толкованіи обвиненій Никона противъ Павла коломенскаго и Неронова въ указанномъ мѣстѣ грамоты совершенно естественно возникаютъ большія недоумѣнія и разрѣшить нхъ трудно. Но едва ли можно принять предлагаемый въ изданіи грамоты переводъ даннаго мѣста ея, переводъ значительно отступающій отъ греческаго и славянскаго. Слова: „διαβάλλουσι τὰς Προσευχάς μας" переведены: „и отвергаютъ наши молитвы", причемъ слово „наши" отнесено къ патріархамъ, изъ чего выведено заключеніе, что Павелъ и Нероновъ опорочивали личныя молитвы патріарховъ. Вслѣдствіе этого является первое недоумѣніе, на основаніи чего означенныя лица обвиняли патріарховъ въ томъ, что ихъ молитвы совершаются не страха ради Божьяго, а страха ради человѣческаго [2])? Недоумѣніе устранится, если подъ словами „προσευχάς μας" разумѣть здѣсь не молитвы патріарховъ, а молитвы греческой церкви. На подобное толкованіе прямо указываютъ слѣдующія слова той же грамоты [3]): „Въ самомъ дѣлѣ на какомъ соборѣ или у какого древняго святаго нашли они, будто молитвы нашей церкви (αἱ προσευχαὶ τῆς ἐκκλησίας μας) совершаются по человѣкоугодію?" Подъ человѣкоугодіемъ же или подъ страхомъ человѣческимъ понимается здѣсь очевидно порабощеніе греческой

[1]) Въ вышеприведенномъ мѣстѣ печатнаго перевода грамоты стоитъ слово: требуетъ, т. е. патріархъ (какой?); слѣдовательно, третій пунктъ обвиненій относится, согласно печатному русскому переводу, къ патріарху, а не къ Павлу коломенскому и Неронову; если же относить это обвиненіе къ послѣднимъ, какъ это и слѣдуетъ на самомъ дѣлѣ и какъ это дѣлаетъ издатель грамоты въ своихъ разсужденіяхъ въ послѣсловіи („настаивали", т. е. Павелъ и Нероновъ), то требуется иной переводъ.

[2]) Стр. 94, тамъ же.

[3]) См. ниже.

церкви турками. Самъ Павелъ коломенскій на соборѣ 1654 г. [1]) и Нероновъ въ нѣкоторыхъ своихъ письмахъ выражали глубокое убѣжденіе, что греческая церковь не хранитъ въ чистотѣ преданія и впала въ ересь. Такое убѣжденіе ихъ основывалось на печальномъ положеніи греческой церкви: въ то время патріархи константинопольскіе, какъ извѣстно, мѣнялись весьма часто вслѣдствіе притѣсненій и происковъ турецкихъ властей. Такъ, въ 1651 г. убитъ былъ Пароеній II, на его мѣсто избранъ Іоанникій II, въ слѣдующемъ 1652 г. занялъ насильственнымъ образомъ патріаршій престолъ Кириллъ III, затѣмъ черезъ 2 недѣли избранъ Аѳанасій Пателярій, но былъ принужденъ чрезъ нѣсколько дней оставить свой патріаршій посохъ, такъ какъ долженъ былъ уплатить великому визирю значительныя деньги за свое избраніе, а денегъ у него не было; тогда избранъ былъ Паисій [2]). Патріархи всякій разъ извѣщали о своемъ избраніи царя московскаго, и, слѣдовательно, въ Москвѣ очень хорошо знали о печальной участи греческихъ іерарховъ. Сношенія русской церкви съ греческою въ это время были очень оживленныя; послѣдняя искала защиты и заступничества отъ турокъ у русскаго государя и получала отъ него безпрестанныя милостыни. Такъ еще весьма не задолго до описываемаго времени въ 1653 г. пріѣзжалъ въ Москву бывшій патріархъ константинопольскій Аѳанасій Пателярій. Далѣе слова: „καὶ ὅτι ἀλλοίως προσεύχεται ὁ πατριάρχης εἰς την λείτουργίαν παρὰ ἄλλους ἱερεῖς ἤγουν ταπεινότερον καὶ ἀχαμνώτερον διὰ τὸν φόβον τοῦ Θεοῦ καὶ ζητᾷ καὶ ἄλλαις προσευχαῖς διαφρετικαῖς ἀπ᾽ἐκείναις ὁποῦ ἔχει ἡ λειτουργία μας καὶ μάλιστα (λέγει) περὶ τῶν πενήτων“ [3])— въ русскомъ изданіи грамоты переведены: „и будто (ὅτι?) патріархъ (какой?) молится иначе, чѣмъ другіе іереи, т. е. хуже и ниже страха ради Божьяго и требуетъ (патріархъ?) другихъ молитвъ, отличныхъ отъ тѣхъ, которыя заключаетъ въ

[1]) Изъ исторіи сношеній Россіи съ Востокомъ въ половинѣ XVII столѣтія. Христіанское Чтеніе, № 5—6, 1882 г., стр. 732—736.

[2]) Грамота Паисія, стр. 63.

[3]) Грамота, стр. 94.

себѣ наша литургія и особенно говоритъ о бѣдныхъ“. Вслѣдствіе такого перевода являются дальнѣйшія недоумѣнія: въ чемъ молитвы греческихъ патріарховъ неудовлетворительны сравнительно съ священническими, въ формѣ или содержаніи, и причемъ тутъ страхъ Божій [1])? Дѣйствительно, откуда могли быть извѣстны Павлу и Неронову молитвы патріарховъ и какихъ особыхъ молитвъ требовали они? Недоумѣніе исчезаетъ, если держаться болѣе точнаго перевода. Смыслъ тотъ, что патріархъ, какъ таковой вообще, по мнѣнію Неронова и Павла коломенскаго, будучи первымъ среди священнослужителей, долженъ ради страха Божьяго выражать въ молитвахъ своихъ большее смиреніе и уничиженіе въ присутствіи прочихъ іереевъ и поэтому на литургіи къ обыкновеннымъ священническимъ молитвамъ долженъ присоединять еще особыя молитвы, особенно о бѣдныхъ (въ ектеніяхъ), а въ греческихъ литургіяхъ такихъ отличительныхъ молитвъ нѣтъ [2]).

Такое пониманіе подлинника вполнѣ подтверждается послѣдующими словами Паисія: „если кто не признаетъ равенства, тотъ, очевидно, самъ строптивый и испорченный человѣкъ“ [3]). Слѣдовательно, Паисій, возражая Павлу и Неронову, настаиваетъ на равенствѣ, на одинаковости молитвъ, произносимыхъ священнослужителемъ во время литургіи, въ Греціи и въ Московскомъ государствѣ, и противится отличенію первыхъ черезъ введеніе какихъ-то дополнительныхъ молитвъ отъ послѣднихъ [4]), а по изданному переводу грамоты выходитъ, что патріархъ требуетъ [5]) (ζητᾷ) новыхъ молитвъ, от-

---

[1]) Объ этомъ подробнѣе ниже.

[2]) Грамота, стр. 63.

[3]) Тамъ же, стр. 64, „они (Павелъ и Нероновъ) стараются дополнить (αναπληρώσωσι) наши молитвы“.

[4]) Спрашивается, какой патріархъ требуетъ.

[5]) „И они приносятъ къ намъ свои нововведенія и апокрифическія молитвы въ качествѣ исправленій“. (νά μάς φέρουσι τὰ νεωτερίσματα τους, ὶκα ταῖς ἀποκρύφαις τοὺς προσευχαῖς, ώς διόρθωσες).

личающихся отъ греческихъ, что не вяжется съ послѣдующими словами Паисія, въ которыхъ онъ негодуетъ на то, что Павелъ и Нероновъ хотятъ вводить новыя отличительныя молитвы [1]).

По какому же поводу Павелъ коломенскій и Нероновъ говорили о недостаточности обыкновенныхъ священническихъ молитвъ, заключавшихся въ греческой литургіи, и почему Никонъ въ свою очередь счелъ нужнымъ доводить объ этомъ до свѣдѣнія Паисія [2])?

Объясненіе этого мы находимъ въ слѣдующемъ. Прибывшій въ Москву въ 1653 г. бывшій константинопольскій патріархъ Аѳанасій Пателярій, какъ можно видѣть изъ Скрижали, изданной патріархомъ Никономъ [3]), „зазиралъ“ ему по поводу различныхъ вопросовъ церковной обрядности и, между прочимъ, какъ надо полагать, коснулся вопроса въ особенностяхъ архіерейскаго служенія, вслѣдствіе чего составилъ для патріарха Никона, по его просьбѣ, „чинъ архіерейскаго совершенія литургіи на востокѣ“ [4]), для того,

[1]) Грамота, стр. 94.

[2]) Л. 1—3.

[3]) Подлинная рукопись патріарха Аѳанасія на греческомъ языкѣ хранится въ Московской синодальной библіотекѣ подъ № 245. Славянскій переводъ этой рукописи хранится тамъ же, подъ № 698, и носитъ заглавіе „Толкованіе Божественной Литургіи, егда священнодѣйствуетъ архіерей, по чину и обычаю восточныя церкви, Аѳанасій прежній вселенскій патріархъ, на Москвѣ еще сподобившійся въ лѣто 1653 г. мѣсяца іюля индикта 6.

Отступленія въ служеніи литургіи по обряду восточной церкви отъ служенія ея по Московскому чину (до 1656 г.) приведены ниже.

[4]) При сравненіи Московскаго служебника 1640 г. съ подлинною рукописью патріарха Аѳанасія подъ заглавіемъ: Ἑρμηνεία τῆς θείας λειτουργίας ὅταν ἱερουργῇ ἀρχιερεὺς κατὰ τὴν τάξιν καὶ συνήθειαν τῆς ἀνατολικῆς ἐκκλησίας Ἀθανάσιος ὁ πρώτερος οἰκουμενικὰς πατριάρχης ἐν Μοσκοβίᾳ οὕτως ἀξιωθεὶς κατὰ τὸ αχνγ ἔτος τὸ σωτέριον μηνὸς Λ" χρόνου“ — оказалось, что въ 1-мъ томѣ сдѣланы слѣдующія прибавленія, коихъ нѣтъ во 2-мъ, а именно: 1) въ послѣдованіи проскомидіи, послѣ облаченія священнослужителя вставлена „молитва прощальная, глаголема отъ архіерея или духовнаго отца, хотящему причаститися божественныхъ и животворя-

чтобы онъ могъ видѣть тѣ отличія отъ греческой обрядности, которыя существовали въ русской церкви. Книга эта была переведена тотчасъ же на славянскій языкъ (въ іюлѣ). Слѣдовательно, эта книга была извѣстна Неронову (онъ былъ сосланъ въ августѣ) и Павлу коломенскому, которые, повидимому, возражали противъ замѣченныхъ ими въ ней отступленій отъ существовавшихъ въ русской церкви обрядовъ, а именно указывали на отсутствіе въ греческой литургіи нѣкоторыхъ отличительныхъ молитвъ, и между прочимъ молитвъ о бѣдныхъ. Это подтверждается тѣмъ, что на соборѣ 1654 г. былъ поднятъ вопросъ объ архіерейскихъ молитвахъ, читаемыхъ на литургіи священнослужителемъ за себя самого, заключавшихся въ московскихъ служебникахъ и не находившихся въ греческихъ и старыхъ славянскихъ служебникахъ [1]). Слѣдовательно, Нероновъ и Павелъ коломенскій не

щихъ тайнъ и егда служити іерею божественная литургія глаголетъ сію молитву за ся." Слѣдуетъ молитва (Господи Іисусе Христе Боже нашъ, Сыне и Слава Бога живаго Пастырю и Агнче, вземляй грѣхи міру, иже домъ двѣма должникома оставивый и грѣшной женѣ оставленіе грѣховъ даровавъ, иже исцѣленіе разслабленному даровавый и оставленіе грѣховъ его. Ты самъ Господи Человѣколюбче ослаби и остави и прости грѣхи же и беззаконія и прегрѣшенія вольная и невольная, вѣдомыя и невѣдомыя и т. д.), въ которой перечисляются между прочимъ самые гнусные чудовищные пороки. Вслѣдъ за этой молитвой прибавлена другая, ей подобная: Молитва 2-я тому-же. „Господь премилостивый да ущедритъ мя, Господи Іисусе Христе вся прошенія блага да подастъ ми. Господь всемогій да избавитъ мя отъ всякія напасти и т. д." 2) Въ концѣ литургіи оглашенныхъ въ сугубой ектеніи прибавлено прошеніе „о творящихъ милостыню". Въ литургіи же вѣрныхъ передъ возгласомъ священника „И даждь намъ едиными усты, единымъ сердцемъ славити и воспѣвати пречестное имя и т. д." въ молитвѣ, произносимой имъ про себя, вставлено: „И помяни Господи поминающи нищая".

[1]) Въ служебникахъ московской печати написано: молитвы архіерейскія произносятся іереемъ за самого себя, когда онъ служитъ (литургіи); этими молитвами разрѣшаются архіереемъ и іереемъ многіе людскіе грѣхи, а теперь онѣ перенесены на лицо іерейское; такъ что іерей произноситъ ихъ самъ за себя; а въ греческихъ служебникахъ и въ нашихъ старыхъ, которые за сто, и за двѣсти, и за триста лѣтъ, и больше писаны,

требовали новыхъ какихъ либо молитвъ, а напротивъ того хотѣли удержать тѣ архіерейскія молитвы, которыя вошли съ теченіемъ времени въ обычай русской церкви, но неизвѣстны были греческимъ іерархамъ, вслѣдствіе чего Паисій и смотрѣлъ на нихъ какъ на нововведеніе.

Такимъ образомъ обвиненія Никона противъ Павла коломенскаго и Неронова въ грамотѣ Паисія по своему содержанію вполнѣ понятны и точны [1]), а вмѣстѣ съ тѣмъ является возможность рѣшить совершенно опредѣленно весьма важный вопросъ объ отношеніи Неронова къ греческой церкви.

Никонъ обвинялъ епископа Павла и Неронова въ томъ, что они считаютъ греческую церковь зараженною, потерявшею свою прежнюю чистоту вслѣдствіе порабощенія турками, и что поэтому они предпочитаютъ обрядность русскую правую, по ихъ мнѣнію неиспорченную.

Эти обвиненія въ нападкахъ на греческую церковь и на восточныхъ патріарховъ за то, что они будто бы не сохранили въ чистотѣ церковнаго преданія, обрядовъ и книгъ [2]), находясь подъ игомъ невѣрныхъ, повторяются на соборахъ 1656 и 1666 гг. [3]), причемъ это противодѣйствіе еп. Павла и Неронова на этихъ соборахъ относятъ еще ко времени до написанія

тѣхъ молитвъ не обрѣтается"... „и ектеніи во время св. литургіи положены сугубыя, молебныя за многія прошенія, а въ греческихъ и нашихъ служебникахъ малыя".

[1]) Почтенный издатель этой грамоты недоумѣваетъ, почему изложенныя въ ней обвиненія Никона противъ Неронова не возобновляются его противниками въ послѣдующее время и почему съ другой стороны, если эти обвиненія были ложны, Нероновъ не счелъ нужнымъ опровергать ихъ, узнавъ объ ихъ существованіи изъ Скрижали. Вопросъ разрѣшается просто: потому, что обвиненій въ такой формѣ, какъ ихъ понимаетъ, вслѣдствіе не точнаго перевода ихъ, почтенный издатель грамоты, въ ней вовсе не имѣется, какъ видно изъ предъидущаго.

[2]) Въ этомъ, какъ было выше указано, открыто укорялъ даже самого греческаго патріарха Арсеній Сухановъ въ 1650 г.

[3]) Въ пришедшихъ лѣтахъ въ 161 и 162 п.

грамоты, именно къ 1653—54 гг. и кромѣ того подтверждаются и заявленіями относительно греческой церкви самого Неронова и его единомышленниковъ,—заявленіями, сдѣланными въ различное время и при разныхъ обстоятельствахъ [1]). Что же касается приводимаго въ послѣсловіи къ русскому переводу грамоты сообщенія Ѳеоктиста [2]), что Нероновъ узналъ объ участіи восточной церкви въ дѣлѣ церковныхъ исправленій только изъ Скрижали, изданной Никономъ въ 1656 г., гдѣ былъ помѣщенъ и переводъ грамоты Паисія,—то есть полное основаніе безусловно отвергать справедливость такого показанія по причинамъ, которыя отчасти уже указаны и отчасти будутъ изложены въ своемъ мѣстѣ.

---

[1]) У Неронова упорная увѣренность въ уклоненіи греческой церкви отъ православія особенно ярко обнаружилась въ его письмахъ и рѣчахъ, въ этомъ можно будетъ убѣдиться изъ послѣдующаго изложенія.

[2]) Почтенный издатель грамоты Паисія принимаетъ вышеприведенное свидѣтельство Ѳеоктиста, а также слова самого Неронова, обращенныя къ вселенскимъ патріархамъ въ 1667 г., за основаніе своихъ сужденій о справедливости обвиненій, выставленныхъ противъ него на соборахъ 1656 и 1666—7 гг. и приходитъ къ отрицательному заключенію. Но неужели можно больше вѣрить личнымъ показаніямъ такихъ неустойчивыхъ, увлекающихся и одностороннихъ людей, какъ Нероновъ или столь пристрастныхъ къ нему, какъ единомышленникъ его Ѳеоктистъ, чѣмъ обнародованнымъ соборнымъ постановленіямъ представителей русской церкви? Что разсказамъ Ѳеоктиста нельзя во всемъ вѣрить, это будетъ ясно изъ послѣдующаго изложенія; что же касается показаній самого Неронова, то онъ вовсе и не заявлялъ даже о томъ, что не зналъ до чтенія Скрижали, изданной въ 1657 г., о сношеніяхъ Никона съ восточною церковью, такъ какъ и не могъ этого утверждать, потому что это было бы съ его стороны наглою ложью, въ которой онъ былъ бы уличенъ. Нероновъ (въ 1667 г.) сказалъ лишь, что Никонъ убѣдилъ его въ истинности церковныхъ исправленій свидѣтельствомъ Божественнаго Писанія и грамоты патріарха Паисія, т. е. содержаніемъ ея, въ которомъ были чрезвычайно ясно изъяснены многіе обрядовые вопросы, а не подписью Паисія, какъ полагаетъ, повидимому, почтенный издатель его грамоты. Но и въ этомъ Нероновъ не былъ искрененъ, какъ доказываетъ его дальнѣйшее поведеніе.

Вопросъ объ обвиненіяхъ лично противъ Павла коломенскаго нѣсколько сложнѣе. Дѣло въ томъ, что если епископъ Павелъ, какъ видно изъ грамоты Паисія, высказывался противъ чистоты греческой церкви и противъ исправленія русской церковной обрядности, то является вопросъ, когда именно это противодѣйствіе выразилось.

На дѣяніи собора 1654 г., на которомъ рѣшено было начать преобразованія въ широкихъ размѣрахъ для установленія полнаго согласія въ обрядности и въ изложеніи церковныхъ книгъ съ греческою церковью, имѣется собственноручная подпись Павла коломенскаго съ оговоркою относительно земныхъ поклоновъ [1]). Исходя изъ этого, г. Субботинъ въ предисловіи къ изданному имъ дѣянію собора 1654 г. заключаетъ, что „согласіе Павла на соборѣ было свободное и непринужденное“ [2]), а потому, чтобы объяснить себѣ его противодѣйствіе, предполагаетъ, что оно возникло послѣ собора, но до отправленія грамоты къ Паисію, т. е. въ нѣсколько недѣль, подъ вліяніемъ наиболѣе рѣшительныхъ противниковъ церковныхъ исправленій Аввакума и Неронова. Но по-

[1]) „Смиренный Павелъ, епископъ коломенскій и каширскій а что говорилъ на святѣмъ соборѣ о поклонахъ и тотъ уставъ харатейный въ оправданіе положилъ здѣ, а другіе письмяны“. (См. Дѣяніе Собора 1654 г.).

[2]) Между тѣмъ Костомаровъ говоритъ, что епископъ Павелъ и нѣкоторые архимандриты и протопопы не подписали соборнаго уложенія. (Русская Исторія въ жизнеописаніяхъ главныхъ дѣятелей, II отд., вып. IV. Никонъ, стр. 171).

Соловьевъ утверждаетъ, что Павелъ коломенскій прямо воспротивился рѣшенію собора. (Ист. Россіи, т. II, стр. 242).

Знаменскій въ своемъ руководствѣ къ русской церковной исторіи (стр. 264) полагаетъ, что Павелъ не подписался подъ соборнымъ уложеніемъ.

Діаконъ Павелъ Алеппскій, въ запискахъ своихъ о путешествіи патріарха Макарія, разсказываетъ, что епископъ Павелъ коломенскій не хотѣлъ подписаться подъ дѣяніемъ собора (стр. 78. The travels of Macarius—Palmer., t. II, 9).

чтенный издатель грамоты Паисія совершенно справедливо доказываетъ, какъ уже было сказано, невозможность пріурочить возникновеніе и проявленіе противодѣйствія Павла коломенскаго — къ этому времени и поэтому онъ останавливается на двухъ возможныхъ предположеніяхъ: 1) что обвиненія противъ него не совсѣмъ точны, и 2) что согласіе Павла на соборѣ не было свободное и непринужденное. Что касается перваго предположенія, то его можно принять лишь въ томъ случаѣ, если второе окажется несправедливымъ, такъ какъ если согласіе Павла коломенскаго съ постановленіемъ собора было не свободное, вынужденное, то нѣтъ причины отвергать справедливости обвиненій противъ него. И дѣйствительно, второе предположеніе вполнѣ подтверждается извѣстіемъ архидіакона Павла Алеппскаго [1]), который, сопровождая своего отца, антіохійскаго патріарха Макарія, прибывшаго въ Москву 2 февраля 1655 г., велъ дневникъ событій все время пребыванія въ Россіи.

„17-го августа 1654 г.“, пишетъ онъ, „мы прибыли въ Коломну. По приказанію царя и его совѣтниковъ насъ помѣстили въ покояхъ епископа, такъ какъ онъ недавно былъ удаленъ патріархомъ и государемъ въ ссылку за совершенную имъ вину. Причина ссылки епископа слѣдующая: нынѣ царствующій государь и патріархъ Никонъ очень привязаны къ обрядамъ греческой церкви и ужасно любятъ уставы. Они созвали соборъ по вопросу о церковно-богослужебныхъ исправленіяхъ. Когда всѣ прилагали свои подписи къ соборному постановленію, епископъ коломенскій, будучи упрямаго характера, не хотѣлъ принимать и одобрять его, а тѣмъ болѣе подписываться подъ нимъ. Съ тѣхъ поръ какъ мы приняли христіанство, сказалъ онъ, съ тѣхъ поръ какъ мы унаслѣдовали вѣру отъ нашихъ отцовъ и дѣдовъ, которые отличались строгимъ соблюденіемъ нашихъ русскихъ обрядовъ и стойкостью въ этой (православной русской) нашей вѣрѣ, —

[1]) Palmer, The Patriarch and the Tzar, t. II, p.

и мы также упорно держались того же самаго и теперь *новой вѣры не примемъ*". Тогда царь и Никонъ тотчасъ же послали его въ ссылку.

Въ другомъ мѣстѣ Павелъ Алеппскій, разсказывая о соборѣ, созванномъ въ 1655 г. между 25 и 31 марта, для различныхъ церковныхъ исправленій вслѣдствіе увѣщаній гостившаго въ Москвѣ антіохійскаго патріарха Макарія по поводу разныхъ нововведеній и отступленій въ русскихъ церковныхъ обрядахъ сравнительно съ греческими, — говоритъ слѣдующее: „Когда Никонъ, будучи почитателемъ Греціи, сказалъ всему собору: „я русскій и сынъ русскаго, но моя вѣра и исповѣданіе греческое, то нѣкоторые изъ епископовъ послушно подтвердили это, говоря: вѣра наша о Христѣ и всѣ обряды нашей церкви и таинства ея пришли къ намъ изъ восточныхъ странъ. Но другіе изъ нихъ, какъ всегда бываетъ во всякомъ народѣ, люди тяжелаго характера и неразвитые, безмолвствовали, думая про себя: *мы не станемъ перемѣнять нашихъ книгъ и обрядовъ, которые приняли изстари*. Но у нихъ не было мужества сказать это громко, такъ какъ боялись противостать гнѣву патріарха, будучи свидѣтелями того, какъ онъ низвергъ *Павла коломенскаго*".

Кромѣ того въ письмѣ Θеоктиста къ Стефану Вонифатьеву отъ 13-го іюля 1654 г. изъ Вологды про епископа Павла говорится слѣдующее: Отецъ же *епископъ Павелъ* плачь намъ сотвори, но и радость, яко *ста мужественнѣ* [1]). Правда въ соборномъ дѣяніи 1654 г. не только не упоминается о возраженіяхъ епископа Павла противъ исправленія церковныхъ книгъ и обрядовъ по книгамъ и обрядамъ греческимъ, но сказано, напротивъ, что онъ изъявилъ въ числѣ другихъ свое полное согласіе. Однако, скрѣпляя своею подписью съ другими соборное уложеніе, епископъ Павелъ сдѣлалъ оговорку о земныхъ поклонахъ, относительно которыхъ возражалъ на соборѣ („а что̀ говорилъ на святомъ соборѣ о покло-

---

[1]) Очевидно на соборѣ 1654 г. противъ преобразованій Никона.

нахъ“). Слѣдовательно, по вопросу о земныхъ поклонахъ были пренія на соборѣ, между тѣмъ въ соборномъ уложеніи объ этомъ умалчивается.

Почему же не могли умолчать въ немъ и о другихъ возраженіяхъ, болѣе существенныхъ, если уже нашли нужнымъ умалчивать о возраженіяхъ относительно частнаго вопроса. Упоминаніе же о Павлѣ коломенскомъ въ числѣ лицъ, изъявившихъ свое согласіе на церковныя исправленія по греческимъ обрядамъ и книгамъ, ничего не доказываетъ, такъ какъ въ числѣ этихъ лицъ значатся и такія, которыя вовсе не подписались подъ дѣяніемъ собора [1]).

Итакъ, эти показанія прямо подтверждаютъ обвиненіе Никона противъ епископа Павла, упоминаемое въ грамотѣ Паисія именно, что онъ на соборѣ 1654 г. *выказалъ противодѣйствіе самому дѣлу церковныхъ преобразованій во всей его широтѣ, на томъ основаніи, что новыя исправленія, дѣлаемыя по совѣту грековъ, еретичны, такъ какъ сами греки еретики,* русскіе же обряды и книги правильны. Павелъ коломенскій, какъ большинство даже образованныхъ людей того времени, особенно духовенства, привязанный къ внѣшности, къ обрядовой сторонѣ вѣроисповѣданія, считаетъ всякое посягательство на эту обрядность ересью, въ особенности потому, что она вносится по наущенію грековъ, находившихся подъ игомъ невѣрныхъ и слѣдовательно не сохранившихъ въ чистотѣ отеческихъ преданій.

Что же касается собственноручной подписи Павла на дѣяніи собора, то очевидно, что она была вынуждена. Но, вынужденный приложить свою подпись къ дѣянію собора, Павелъ все-таки сдѣлалъ оговорку, правда въ частности, именно относительно земныхъ поклоновъ, но потому вѣроятно, что

---

[1]) Макарій, архіепископъ Псковскій и Изборскій, архимандритъ Троицко-Сергіевскаго монастыря Андріянъ, архимандритъ Лужецкаго монастыря, игуменъ Борисо-Глѣбскаго монастыря Антоній, Благовѣщенскій протопопъ Стефанъ Вонифатьевъ, Вознесенскій протопопъ Іоакимъ и Черниговскій протопопъ Михайло. (См. Дѣяніе Собора 1654 г.).

хотя въ этомъ вопросѣ могъ сослаться въ свое оправданіе на какой-нибудь писанный и харатейный уставъ, которые и приложилъ къ дѣянію.

Патріархъ Никонъ, ставившій въ основаніе всего церковнаго преобразованія полное согласіе въ церковныхъ обрядахъ съ греческою церковью, какъ истинною, на которую и опирался, естественно видѣлъ въ отстаиваніи Павломъ старыхъ преданій и въ его противодѣйствіи самому дѣлу исправленій по обрядамъ и книгамъ греческимъ—отступленіе отъ церкви вселенской, единой, истинной, христовой церкви и, за сопротивленіе ей, прибѣгъ къ крутымъ мѣрамъ.

Епископъ Павелъ былъ сосланъ въ заточеніе въ Хутынскій монастырь. Впослѣдствіи на соборѣ 1667 г. Никона обвинили въ томъ, что онъ одинъ безъ собора низвергъ Павла коломенскаго, снялъ съ него мантію, лютому наказанію предалъ и въ дальнюю ссылку заточилъ[1]). Патріархъ отвѣчалъ на это обвиненіе, что когда архіерея лишаютъ сана, то съ него снимаютъ святительскую одежду въ церкви, а онъ, Никонъ, епископа Павла въ церкви не извергалъ, а лишь снялъ съ него пеструю мантію и послалъ подъ начало въ монастырь; что мучить и истязать Павла онъ не велѣлъ [2]). На вопросъ обвинителей, по какимъ правиламъ онъ это учинилъ, Никонъ объяснилъ, что не упомнитъ, а что о томъ есть дѣло на патріаршемъ дворѣ [3]). Крутицкій митрополитъ возразилъ на это, что такого дѣла нѣтъ на патріаршемъ дворѣ [4]), и что епископъ Павелъ отлученъ безъ собора.

---

[1]) Дѣло патріарха Никона. Гиббенета, т. II, 1884 г., стр. 358—369. Дѣло госуд. Архива: прибытіе патріарха въ Москву и судъ надъ Никономъ.—Записка о соборныхъ засѣданіяхъ 1667 г.

[2]) Тамъ же, стр. 361.

[3]) Тамъ же, стр. 329—30.

[4]) Въ росписи бумагъ, отобранныхъ въ 1666 г. у нѣкоего Ѳеоктиста въ Вяткѣ (Матер. по ист. раскола, т. I, стр. 334), упоминается подъ № 56, „О изверженіи епископа коломенскаго, писана на двухъ столбцахъ“. Г. Субботинъ предполагаетъ, не былъ ли это списокъ съ подлинной записи о соборномъ низложеніи Павла; въ такомъ случаѣ оправданія Ни-

Очень можетъ быть, что дѣйствительно дѣло, на которое ссылался въ свое оправданіе Никонъ, не нашлось на патріаршемъ дворѣ, либо по какимъ нибудь случайнымъ причинамъ, либо потому, что присутствіе его служило помѣхой обвинителямъ патріарха. Но во всякомъ случаѣ нельзя не вѣрить такому открытому и рѣшительному заявленію патріарха передъ всѣмъ соборомъ, что Павелъ коломенскій сосланъ былъ по правиламъ. Никонъ никогда не лгалъ. Правда, по первому правилу св. Кирилла Александрійскаго, патріархъ не можетъ низвергнуть подвластнаго себѣ епископа безъ собора. Но Никонъ, повидимому, не лишилъ сана Павла коломенскаго, а ограничился лишь временной ссылкою его подъ начало въ монастырь, поэтому и не назначилъ преемника на его мѣсто. Когда же въ концѣ того же (1654) года получена была изъ Константинополя отъ патріарха Паисія соборная грамота, подписанная, кромѣ патріарха, 28 греческими епископами (не считая прочаго духовенства), въ которой про Павла коломенскаго и Неронова сказано было, что они должны быть отсѣчены отъ церкви, какъ гнилые и неисцѣлимые члены, то Никонъ въ полномъ правѣ былъ считать епископа Павла низверженнымъ и лишеннымъ сана и вслѣдствіе этого только рѣшился посвятить вмѣсто него для коломенской епархіи новаго святителя (3 іюня 1655 года), тѣмъ болѣе, что Павелъ, какъ ходили слухи, въ то время сошелъ съ ума съ горя и пропалъ безъ вѣсти.

Возвратимся теперь къ Неронову.

Въ Спасо-Каменскомъ монастырѣ, куда онъ былъ сосланъ, ему жилось хорошо. Судя по письму Θеоктиста къ Вони-

---

кона вполнѣ подтверждаются. Но едва ли найденная у Θеоктиста рукопись есть списокъ съ соборнаго указа о низложеніи Павла коломенскаго, такъ какъ Θеоктистъ не сталъ бы хранить у себя такую запись, говорящую не въ пользу Павла, въ числѣ другихъ бумагъ, имѣвшихъ большую цѣнность въ глазахъ раскольниковъ. Скорѣе предположить, что упоминаемая рукопись есть далекій отъ дѣйствительности пересказъ о ссылкѣ коломенскаго епископа, преисполненнаго желчи и злобы противъ Никона.

фатьеву (отъ 13 іюля 1654 г.)[1]), Нероновъ былъ принятъ съ радостью архимандритомъ Александромъ, видѣвшимъ въ немъ страдальца за вѣру и вслѣдствіе этого оказывавшимъ ему всякую честь: онъ поставилъ его въ церкви выше келаря, далъ ему новый овчій войлокъ подъ ноги въ келью, приставилъ слугу, велѣлъ давать лучшую пищу и т. п. Нероновъ сперва держалъ себя съ смиреніемъ и отказывался отъ почестей, ссылаясь на повелѣніе патріарха „держать его въ черныхъ службахъ". Его посѣщали „отъ всѣхъ четырехъ странъ боголюбцы, многихъ городовъ люди и дворяне". Но мало-по-малу Нероновъ сталъ пользоваться своимъ вліяніемъ въ монастырѣ и вмѣшиваться въ монастырскія дѣла.

Въ Спасо-Каменскомъ монастырѣ, какъ и въ большинствѣ монастырей того времени, были большіе безпорядки: монахи во многомъ не радѣли и безчинствовали. Нероновъ, славившійся ревностью о благочестіи, сталъ настаивать на точномъ соблюденіи церковныхъ уставовъ[2]). Архимандриту и монахамъ это начинало не нравиться, и у нихъ бывали уже столкновенія съ Нероновымъ. Послѣдній продолжалъ однако преслѣдовать архимандрита своими замѣчаніями, чтобы не пропускали службы того, что положено читать, чтобы при совершеніи богослуженія было больше порядка и благочинія, чтобы посты соблюдались во всей строгости устава и т. п. Такимъ образомъ и здѣсь появилась, впрочемъ съ хорошей стороны, привязанность Неронова къ обрядности, къ внѣшнему проявленію религіознаго чувства.

Все это сердило архимандрита, который наконецъ, выйдя изъ терпѣнія, какъ то разъ въ церкви укорилъ при всѣхъ Неронова, что онъ „противится церкви"[3]). Послѣ этого съ нимъ стали обращаться гораздо строже и держали въ одиночномъ заключеніи. Кромѣ того архимандритъ счелъ нуж-

---

[1]) Тамъ же, стр. 114—116.
[2]) Тамъ же, стр. 117.
[3]) Тамъ же, стр. 119.

нымъ донести патріарху о буйномъ поведеніи Неронова въ Спасскомъ монастырѣ.

Никонъ, которому Нероновъ продолжалъ досаждать своими сношеніями съ Вонифатьевымъ и другими единомышленниками, дѣйствовавшими, гдѣ только могли, противъ патріарха и его преобразованій, отдалъ приказъ (1 іюля 1654 г.) перевести его въ Кандалашскій монастырь. По дорогѣ Нероновъ остановился въ Вологдѣ, гдѣ встрѣтился съ нѣкоторыми изъ своихъ единомышленниковъ (Логгиномъ муромскимъ). Отсюда онъ написалъ (13 іюля) два посланія. Одно изъ нихъ есть посланіе къ своей братіи [1]), гдѣ онъ говорилъ о наступленіи послѣдняго времени, о необходимости твердо стоять за вѣру и церковныя преданія; себя онъ изображалъ „узникомъ о Христѣ“, умолялъ облечься во всеоружіе Божіе, чтобы быть въ состояніи противостать кознямъ дьявольскимъ, такъ какъ борьба ведется съ властями и сильными міра сего. Такими посланіями противники Никона разжигали страсти и усиливали противодѣйствіе дѣлу церковныхъ исправленій, пріобрѣтая новыхъ приверженцевъ.

Другое посланіе написано Стефану Вонифатьеву, царскому духовнику [2]). Онъ жаловался ему, что апостольскія и отеческія преданія попираютъ и замѣняютъ новыми, произвольными уставами.

Такъ какъ въ указѣ патріарха не было упомянуто, запрещать ли Неронову ходить въ церковь, то онъ во время своего пребыванія въ Вологдѣ посѣщалъ церковныя службы въ Софійскомъ соборѣ. Разъ, послѣ обѣдни онъ обратился къ присутствующимъ съ слѣдующею рѣчью: „Священники и всѣ церковныя чада, завелись у насъ новые еретики; они мучатъ православныхъ христіанъ, которые поклоняются согласно отеческимъ преданіямъ; искажаютъ перстосложеніе при крест-

---

[1]) Тамъ же, стр. 94.

[2]) Матер. по ист. раскола, т. I, стр. 137. Записка о жизни Неронова съ 1653 по 1659 г.

номъ знаменіи, а рабовъ Божіихъ казнятъ и въ дальнія заточенія посылаютъ. Да и вы если станете о томъ молчать, всѣмъ вамъ пострадать. Не однимъ вамъ говорю, но и всѣмъ въ Москвѣ и во всѣхъ мѣстахъ: за молчаніе всѣмъ жестоко страдать!“ Такая самоувѣренная, въ высшей степени смѣлая и вмѣстѣ съ тѣмъ искренняя рѣчь Неронова должна была сильно подѣйствовать на присутствовавшихъ. Приставъ, сопровождавшій Неронова, поспѣшилъ послѣ этой выходки везти его дальше.

Въ Кандалашскомъ монастырѣ Нероновъ получилъ обратно отъ Стефана Вонифатьева свое послѣднее письмо къ нему изъ Вологды для засвидѣтельствованія подписью, такъ какъ оно по спѣшности не было имъ подписано. Вонифатьевъ при этомъ писалъ ему, что дѣлаетъ это потому, что усомнился въ подлинности его письма. Г. Субботинъ полагаетъ, что причина была другая: именно подпись, по его мнѣнію, на письмѣ потребовалась для того, чтобы служить вещественнымъ доказательствомъ для обвиненій противъ Неронова. Но едва ли это такъ, потому что у Никона и безъ того было въ рукахъ нѣсколько писемъ Неронова къ царю и Стефану Вонифатьеву, болѣе рѣзкихъ, чѣмъ послѣднее изъ Вологды; да кромѣ того Вонифатьевъ былъ искреннимъ доброжелателемъ Неронова и не сталъ бы обманывать его, прося засвидѣтельствовать письмо подписью, которая могла бы служить уликой противъ него же. Усомниться же въ подлинности письма Вонифантьевъ могъ потому, что на письмѣ приписки самого Неронова не было, между тѣмъ онъ зналъ, что Нероновъ находился въ ссылкѣ въ Спасо-Каменскомъ монастырѣ, а письмо писано изъ Вологды, о переводѣ же Неронова въ Кандалашскій монастырь, по личному распоряженію Никона, онъ могъ и не знать. Исполняя просьбу Вонифатьева, Нероновъ въ припискѣ къ прежнему своему письму счелъ нужнымъ, кромѣ того, изложить свою смѣлую рѣчь въ Вологдѣ.

Хотя изъ Кандалашскаго монастыря Неронову и удалось

послать архимандриту Переяславскаго Данилова монастыря Тихону какія-то тетради, но все-таки онъ не имѣлъ уже возможности по прежнему безпрепятственно сноситься съ своими единомышленниками и возбуждать ихъ къ противодѣйствію Никону. А между тѣмъ въ своемъ религіозномъ увлеченіи онъ убѣжденъ былъ, что призванъ дѣйствовать на защиту правой вѣры, и такъ какъ въ Кандалашскомъ монастырѣ условія не благопріятствовали этому, онъ рѣшился бѣжать. Это ему удалось. 10-го августа, съ тремя послушниками, ему преданными, Нероновъ въ четвертомъ часу ночи на маленькомъ суднѣ бѣжалъ въ море [1]). За ними были посланы двѣ погони, но безуспѣшно. Бѣглецы подняли рогожные паруса и поплыли, но скоро разыгралась буря и неопытные въ морскомъ дѣлѣ Нероновъ и его спутники едва не погибли. Наконецъ они добрались до Кемскаго устья, гдѣ встрѣтили старца изъ Соловецкаго монастыря и поѣхали съ нимъ туда. Въ Соловкахъ его встрѣтили съ почетомъ. Архимандритъ (Илья) помѣстилъ Неронова въ своей кельѣ, а затѣмъ далъ ему лодку и отпустилъ его съ спутниками въ Москву, снабдивъ всѣмъ необходимымъ. Вслѣдствіе противнаго вѣтра они не дошли до Архангельска, а высадились раньше и раздѣлились: два послушника поплыли черезъ Архангельскъ и Холмогоры по Двинѣ, а Нероновъ съ третьимъ спутникомъ отправился сухимъ путемъ въ Москву.

Въ Холмогорахъ одинъ старецъ изъ Кандалашскаго монастыря узналъ бѣглецовъ и просилъ воеводу задержать ихъ, потому что по приказанію Никона велѣно было отыскать Неронова съ его спутниками и за поимку обѣщалось вознагражденіе [2]). Такъ разсказываетъ Ѳеоктистъ, послѣдователь Неронова, въ запискѣ о его жизни. Но распоряженіе Никона объ отысканіи и задержаніи Неронова могло быть сдѣлано не раньше, какъ по полученіи въ Москвѣ извѣстія о побѣгѣ

[1]) Тамъ же, стр. 141.

[2]) Тамъ же, примѣч. г. Субботина.

его изъ Кандалашскаго монастыря, и въ Холмогоры могло придти нескоро. А вѣроятно спутники Неронова были задержаны просто по подозрѣнію въ бѣгствѣ, а потомъ оказалось, что они дѣйствительно бѣжали съ Нероновымъ [1]).

Между тѣмъ за упущеніе Неронова духовныя власти Кандалашскаго и Соловецкаго монастырей сильно пострадали: ихъ подвергли строгому наказанію. Тѣмъ временемъ Нероновъ успѣлъ добраться до Москвы. Онъ остановился у царскаго духовника Вонифатьева тайно отъ патріарха и ежедневно видѣлся съ своими единомышленниками [2]). Надо предполагать, что Вонифатьевъ втайнѣ дѣйствовалъ за одно съ Нероновымъ и только для вида сохранялъ хорошія отношенія съ патріархомъ, если рѣшился на свой страхъ укрывать Неронова въ своемъ домѣ. Повидимому, Вонифатаевъ разсказалъ ему все, что произошло въ его отсутствіе въ Москвѣ и съ какою настойчивостью и дѣятельностью принялся Никонъ за исправленіе церковной обрядности и книгъ. Въ это время шли оживленныя сношенія съ греческою церковью; заняты были сличеніемъ, исправленіемъ и переводомъ церковныхъ книгъ и спѣшили печатаніемъ ихъ (былъ изданъ служебникъ). Нероновъ удивлялся, какимъ образомъ росло такъ быстро дѣло, предпринятое Никономъ („како рать внезапу бысть церкви“) [3]).

---

[1]) Тамъ же, стр. 142.

[2]) Тамъ же, стр. 143.

[3]) Г. Субботинъ по этому поводу замѣчаетъ, что это можетъ служить подтвержденіемъ той мысли, что Нероновъ до этого времени противодѣйствовалъ только распоряженіямъ церковной власти о поклонахъ и о перстосложеніи. Но какъ можно было видѣть изъ вышеприведеннаго мѣста грамоты Паисія и писемъ Неронова, онъ уже съ самаго начала смотрѣлъ на мѣры Никона, какъ на новшества, ересь, вводимую по почину грековъ. А что касается того, что онъ до тѣхъ поръ явно обнаруживалъ сопротивленіе только противъ распоряженій о поклонахъ и перстосложеніи, то это потому, что до того времени этимъ почти и ограничивалось исправленіе богослужебныхъ обрядовъ и только на соборѣ 1654 г. церковныя преобразованія получили болѣе широкій размѣръ.

Царь зналъ о пребыванiи Неронова въ Москвѣ и даже, вслѣдствiе мягкости своего характера, благоволилъ къ нему, несмотря на сильную привязанность свою къ Никону. По просьбѣ Неронова царь велѣлъ даже освободить тѣхъ двухъ спутниковъ его, которые были задержаны въ Холмогорахъ.

Въ декабрѣ, наконецъ, по совѣту Вонифатьева и другихъ друзей, Нероновъ рѣшился постричься въ монахи. По этому поводу Вонифатьевъ послалъ отписку архимандриту Переяславскаго монастыря, Тихону, единомышленнику Неронова (онъ былъ съ нимъ въ сношенiяхъ во время ссылки въ Кандалашскомъ монастырѣ); онъ и постригъ Неронова въ декабрѣ 1655 года [1]), давъ ему имя Григорiя [2]). Проживъ еще послѣ того шесть недѣль въ Москвѣ, тайно отъ патрiарха, Нероновъ въ началѣ февраля (1656 года) отправился въ Спасо-Игнатьевскую пустынь, гдѣ жили его родители [3]).

Нероновъ оставилъ Москву въ то время, когда уже шла рѣчь о новомъ соборѣ, съ участiемъ восточныхъ патрiарховъ: антiохiйскаго Макарiя, прiѣхавшаго еще въ февралѣ 1655 г. и сербскаго Гаврiила для рѣшенiя вопроса объ исправленiи церковныхъ книгъ и обрядности. Въ то же время шли дѣятельные, но безуспѣшные поиски Неронова. Наконецъ Никонъ узналъ, что онъ скрывается въ Игнатьевской пустынѣ и послалъ его взять. Монахи пустыни за укрывательство были наказаны. Григорiя Неронова нашли неподалеку отъ пустыни, но крестьяне и тутъ скрыли его, а посланныхъ побили, такъ что даже Нероновъ долженъ былъ убѣждать ихъ „не крамолить паче мѣры“ съ исполнителями церковной власти. За подобное сопротивленiе и укрывательство винов-

---

1) По тогдашнему счисленiю въ 1656 г.

2) При крещенiи онъ былъ названъ Гаврiиломъ, а Иваномъ его только прозывали.

3) Матер. по ист. раск., т. I, стр. 144.

ные были отправлены въ Москву и посажены въ темницу. А Неронова между тѣмъ все не находили.

Тогда патріархъ, по соглашенію съ Макаріемъ антіохійскимъ, вновь возвратившимся въ Москву на короткое время по просьбѣ царя для разсмотрѣнія нѣкоторыхъ дѣлъ, рѣшилъ поручить судъ надъ Нероновымъ собору, который уже засѣдалъ съ 23-го апрѣля, занимаясь церковными исправленіями.

Соборный судъ происходилъ 18-го мая 1656 г. Въ соборномъ дѣяніи упомянуты были сперва прежнія вины Неронова, затѣмъ сказано было [1]), что онъ изъ монастыря бѣжалъ и, обходя различныя мѣстности, тайно возмущалъ не утвердившихся въ словѣ Божьемъ, что онъ „*написалъ многое ложное и несвѣдомое* о государѣ и патріархѣ и *о вселенскихъ четырехъ патріархахъ, отметаясь греческаго православія,* откуда же вѣра наша по благодати Святаго Духа возрастѣ и утвердися и утверждается и святыя старыя книги укоряетъ", наконецъ, что не испросивъ благословенія и не примиряясь съ церковью, постригся отъ единомышленника своего Тихона. За все это соборъ осудилъ „Ивана Неронова протопопа, нынѣ Григорія мниха, съ его единомышленниками отъ св. церкви,— „яко гнилъ удъ отсѣщи и проклятію предати". Это соборное засѣданіе происходило 18-го мая во время продолжительнаго благовѣста къ литургіи въ патріаршей крестовой палатѣ. По окончаніи его, патріархи Никонъ и Макарій вмѣстѣ пошли въ Успенскій соборъ служить литургію, во время которой архидіаконъ, по приказанію Никона, произнесъ съ амвона проклятіе Неронову. Послѣ того анаѳемствованіе было повторено всѣмъ соборомъ.

Объ этомъ соборѣ Павелъ Алеппскій разсказываетъ слѣдующее [2]): „Въ воскресенье, послѣ Вознесенья, 18-го мая,

---

[1]) Тамъ же, стр. 129. Соборное дѣяніе на протопопа Ивана Неронова 1656 г.

[2]) The Patriach and the Tzar by Palmer. t. II. Travels of Macarius. p. 325.

нашъ господинъ [1]) совершилъ богослуженіе съ патріархомъ московскимъ въ соборѣ. Тамъ они отлучили отъ церкви одного священника, который раньше былъ протопопомъ у царя и котораго патріархъ еще въ первое время своего патріаршества сослалъ въ заточеніе. Причиною этого послужило то, что онъ основалъ новую ересь и *возставалъ противъ четырехъ патріарховъ, говоря, что они упали въ своемъ достоинствѣ и служеніи вслѣдствіе порабощенія ихъ турками.* Онъ возмутился также противъ Св. Духа. Этотъ разбойникъ убѣжалъ изъ мѣста своей ссылки и возвратился въ Москву, патріархъ тщетно старался отыскать его, потому что онъ постоянно мѣнялъ свою одежду и переходилъ съ мѣста на мѣсто. *Нашъ господинъ,* патріархъ антіохійскій, *сдѣлалъ разслѣдованіе по этому дѣлу при посредствѣ переводчика и уподобилъ его Арію,* такъ какъ тотъ былъ протопопъ александрійскій, а этотъ протопопъ московскій, — *затѣмъ онъ проклялъ его и отлучилъ отъ церкви.* И пѣвчіе съ причтомъ три раза повторили „анаѳема".

Итакъ, на этомъ соборѣ еще разъ было дознано, что Нероновъ противился церковнымъ преобразованіямъ патріарха Никона, совершавшимся при содѣйствіи греческой церкви, противился потому, что эту греческую церковь съ ея представителями считалъ еретическою, вслѣдствіе порабощенія ея турками.

Онъ судилъ о ней по тѣмъ нищенствующимъ и развращеннымъ, за немногими исключеніями, грекамъ, которые приходили въ Россію просить милостыню и заступничества, пользовались благосклонностью и щедростью русскаго правительства, получая не только значительныя средства изъ русской казны, но и различныя торговыя права и преимущества, дававшія имъ существенныя выгоды въ ущербъ русскимъ людямъ, и возвращались въ Грецію съ большими деньгами. Нероновъ въ своихъ письмахъ еще въ 1653 и 54 гг. высказывалъ свою нелюбовь къ нимъ. Какъ человѣку, преданному до

[1]) То есть патріархъ Макарій.

крайности внѣшней обрядности, Неронову церковныя новшества Никона показались попраніемъ отеческой вѣры, а участіе греческой церкви вполнѣ убѣдило его въ еретичности этихъ новшествъ.

Патріархъ Макарій, какъ можно судить по словамъ Павла Алеппскаго, принималъ дѣятельное участіе на этомъ соборѣ. Ему, повидимому, какъ чужеземцу и слѣдовательно человѣку безпристрастному въ дѣлѣ столкновенія Никона съ Нероновымъ, патріархъ и поручилъ разслѣдованіе дѣла. Но Макарій, убѣдившись, что Нероновъ выказывалъ противодѣйствіе греческой церкви съ ея представителями, и не вникнувъ въ чемъ именно проявилось это противодѣйствіе, ограничивалось ли оно одною обрядностью, какъ оно и было на самомъ дѣлѣ, или задѣвало основныя стороны христіанской догматики, — сопоставилъ его съ Аріемъ, какъ отступившаго отъ вселенной православной церкви, и на основаніи этого вполнѣ естественно счелъ нужнымъ отлучить его отъ церкви и предать проклятію. Никонъ, предоставившій разборъ дѣла Макарію, присоединился къ его рѣшенію.

Итакъ, *въ этомъ первомъ соборномъ проклятіи за приверженность къ старымъ обрядамъ, — Никону принадлежало второстепенное участіе; главнымъ же виновникомъ его былъ чужеземецъ, Антіохійскій патріархъ Макарій.*

Нероновъ между тѣмъ проживалъ въ Игнатьевской пустынѣ и не подозрѣвалъ, что надъ нимъ въ это время было произнесено въ Москвѣ соборное проклятіе отъ имени церкви. Въ концѣ 1656 г., когда вѣроятно уже перестали дѣятельно разъискивать его, Нероновъ рѣшился опять пробраться въ Москву, для болѣе рѣшительнаго и успѣшнаго противодѣйствія Никоновскимъ новшествамъ. Тамъ онъ былъ встрѣченъ съ радостью своими единомышленниками. Они же ему разсказали объ всемъ, что̀ произошло въ его отсутствіе, то есть о рѣшительныхъ мѣрахъ Никона по церковнымъ исправленіямъ, предпринятымъ на послѣднемъ соборѣ, начавшемся 23 апрѣля при участіи патріарха Макарія, о соборѣ, его судившемъ и

о соборномъ проклятіи надъ нимъ, произнесенномъ въ Успенскомъ соборѣ, наконецъ показали ему недавно (въ октябрѣ) выпущенную въ свѣтъ Скрижаль, гдѣ изложенъ былъ въ предисловіи весь ходъ книжныхъ исправленій и приложена была отвѣтная грамота Паисія Никону.

Болѣе всего, очевидно, подѣйствовало на Неронова соборное проклятіе, торжественно, всенародно произнесенное надъ нимъ. Съ одной стороны это еще больше возбудило и усилило вражду и ненависть его къ Никону, ожесточило его; но съ другой стороны онъ хорошо понималъ, что соборное проклятіе могло имѣть для него роковое значеніе: многихъ оно удерживало отъ уклоненія въ расколъ, а его самого обезоруживало, какъ проклятаго церковью. Кромѣ того, вновь напечатанныя книги церковныя, особенно Скрижаль съ грамотою Паисія, въ которыхъ всѣ обряды православной церкви были объяснены съ такою ясностью, что, по отзыву Павла Алеппскаго, даже дѣти могли все понять, — убѣдили его до нѣкоторой степени въ правильности того или другого частнаго исправленія. Въ самомъ изложеніи, въ предисловіи къ Скрижали, хода работъ по церковнымъ преобразованіямъ Нероновъ являлся въ невыгодномъ свѣтѣ и это могло значительно ослабить его вліяніе. А между тѣмъ, онъ все еще надѣялся, что можно будетъ добиться удаленія Никона, тѣмъ болѣе, что противъ него уже дѣйствовалъ сильный боярскій кружокъ. Но для этого ему нужно было имѣть доступъ ко двору и вліяніе въ народѣ; а какъ могъ онъ на это разсчитывать, будучи проклятъ церковью? Отъ этого проклятія ему необходимо было освободиться. И вотъ его взяло раздумье. Онъ былъ въ нерѣшительности, потому что друзья его совѣтовали различно: одни убѣждали его въ необходимости покориться церкви и примириться съ нею, другіе же не ожидали отъ этого ничего добраго [1]). Наконецъ Нероновъ рѣшился идти къ Никону и для примиренія взялъ съ собою

[1]) Тамъ же, стр. 146.

Скрижаль, изъ которой онъ убѣдился въ правильности нѣкоторыхъ обрядовыхъ исправленій.

Ѳеоктистъ, авторъ записки о жизни Неронова, говоритъ, что онъ разсуждалъ слѣдующимъ образомъ: „со вселенскими патріархами раздоръ творить не хочу и противиться имъ не буду, потому что зачѣмъ буду я у нихъ подъ клятвою" [1])? Эти слова Неронова прямо подтверждаютъ предположеніе, что онъ рѣшился на примиреніе съ церковью только для того, чтобы освободиться отъ тяготѣвшей надъ нимъ клятвы вселенскихъ патріарховъ, упомянутой въ грамотѣ Паисія и отъ клятвы, произнесенной антіохійскимъ патріархомъ Макаріемъ въ Москвѣ. Въ правильности же нѣкоторыхъ церковныхъ исправленій убѣдило Неронова, хотя повидимому не вполнѣ, не участіе въ нихъ восточной церкви, что̀ ему было и раньше извѣстно, и противъ чего онъ уже раньше возставалъ, а самыя новоисправленныя книги, особенно Скрижаль. Нероновъ самъ въ своей челобитной, поданной вселенскимъ патріархамъ на соборъ 1667 г., говоритъ, что пошелъ къ Никону, чтобы обличить его „въ звѣрообразномъ мученіи", но что онъ „милостивъ къ нему учинился и увѣрилъ его свидѣтельствомъ Божественнаго Писанія и посланіемъ патріарха Паисія" [1]) въ правильности нѣкоторыхъ книжныхъ исправленій.

4-го января (1657 г.) Нероновъ явился къ патріарху. Никонъ шелъ къ литургіи въ церковь, Нероновъ же, стоя на проходѣ, поклонился ему. Патріархъ, узнавъ, что это бывшій протопопъ Иванъ Нероновъ, прошелъ однако въ церковь, не желая, вѣроятно, вызывать своего гнѣва передъ совершеніемъ литургіи. Нероновъ же, сопровождая его до церкви, говорилъ: „Что ты не затѣвай, а дѣло твое некрѣпко; по тебѣ иной патріархъ будетъ, все твое передѣлывать будетъ".

Слѣдовательно, Нероновъ самое участіе восточныхъ патріарховъ въ дѣлѣ церковныхъ исправленій считалъ затѣей

---

[1]) То есть содержаніемъ ея, а не подписью патріарха.

Никона и потому-то съ такимъ ожесточеніемъ боролся противъ него.

Послѣ литургіи Никонъ велѣлъ Неронову идти въ Крестовую палату. Здѣсь Нероновъ сталъ укорять патріарха за притѣсненія, имъ самимъ и его единомышленниками претерпѣтыя. Затѣмъ онъ объявилъ Никону: „Вселенскимъ патріархамъ я не противлюсь, какъ ты говоришь, а не покорялся одному тебѣ“. Это неправда. Нероновъ много разъ высказывался противъ чистоты греческой церкви, хотя, какъ выше было сказано, въ самомъ участіи ея церковныхъ преобразованій винилъ Никона. Нероновъ, какъ видно изъ словъ Ѳеоктиста, выразилъ патріарху желаніе примириться съ церковью и быть освобожденнымъ отъ клятвы, сказавъ, что читалъ Скрижаль и помѣщенную въ ней грамоту Паисія, изъ которой узналъ, что Никонъ обвинялъ его и единомышленниковъ его въ томъ, что они „мятежъ творятъ и ему (Никону) противны въ вещахъ церковныхъ“ [1]). Слѣдовательно, самъ Нероновъ понялъ обвиненіе противъ себя, помѣщенное въ грамотѣ къ Паисію въ смыслѣ противодѣйствія Никону за его приверженность греческимъ обрядамъ. Онъ оправдывался передъ Никономъ, увѣряя, что онъ не противится соглашенію съ всеселенскими патріархами, но проситъ только, чтобы была сохранена истина, а подъ клятвою вселенскихъ патріарховъ быть не хочетъ.

Изъ этихъ словъ Неронова нѣкоторые изслѣдователи раскола выводятъ заключеніе, что онъ до этихъ поръ не зналъ объ участіи восточной церкви въ церковныхъ исправленіяхъ, предпринятыхъ Никономъ, и считалъ ихъ его личнымъ дѣломъ, а потому, когда узналъ изъ Скрижали о сношеніяхъ съ греческою церковью, то отступился отъ своего упорства. Но Нероновъ не могъ не знать объ этихъ сношеніяхъ; изъ правительственныхъ и другихъ источниковъ [2]) видно, что

---

[1]) Тамъ же, стр. 147.

[2]) Соборное дѣяніе 1656 г. Грамота Паисія.

ему еще въ 1653 и 1654 гг. ставили въ вину неблагопріятные отзывы о греческой церкви, подтверждаемые и письмами его, и Никонъ навѣрно уличилъ бы его въ этомъ. Слѣдовательно, вышеприведенныя слова Неронова не могутъ имѣть такого смысла, да и они сказаны были неискренно, если только были вообще сказаны [1]), что и подтверждается дальнѣйшими его словами и дѣйствіями. Если и допустить, что Нероновъ не зналъ до этого времени объ участіи восточной церкви въ преобразованіяхъ Никона, а узнавъ объ этомъ, перемѣнилъ свой взглядъ на дѣло исправленія и удержался отъ противодѣйствія, то какъ объяснить себѣ его вторичное затѣмъ уклоненіе въ расколъ и распространеніе его? Не могъ же онъ забыть и, слѣдовательно, вторично не знать впослѣдствіи объ участіи восточной церкви въ предпріятіи Никона.

Патріархъ молчалъ, потому вѣроятно, что Нероновъ озадачилъ его своимъ неожиданнымъ появленіемъ и онъ не зналъ еще, какъ съ нимъ поступить, между тѣмъ Нероновъ въ оправданіе своей дѣятельности ссылался на строгости Никона и рѣзко укорялъ его за жестокое и несправедливое обращеніе съ противниками и за отлученіе ихъ отъ церкви. Никонъ,—по словамъ даже Ѳеоктиста, желавшаго безъ сомнѣнія выставить Неронова въ своемъ разсказѣ въ лучшемъ свѣтѣ, а Никона очернить,—терпѣливо снесъ эти рѣзкости и оправдывался, что не могъ стерпѣть противодѣйствія церкви, и показалъ ему даже челобитныя, которыя вызвали съ его стороны строгія мѣры по отношенію къ раскольникамъ [2]). Нероновъ сталъ укорять патріарха, что у него пользуется уваженіемъ и поставленъ учителемъ чернецъ Арсеній, о которомъ іерусалимскій патріархъ Паисій писалъ, что онъ Арсеній — „еретикъ, многія ереси въ себѣ держитъ и въ римскомъ костелѣ и въ эллинскомъ злѣ единонравенъ былъ

[1]) Слова Неронова передаются въ пересказѣ Ѳеоктиста, который, повидимому, многое придумалъ самъ.

[2]) Мат. по ист. раск., т. I, стр. 147—150.

во всемъ", а Никонъ взялъ его на смуту и поставилъ учителемъ и главнымъ заправителемъ тисненія печатнаго. Никонъ вступился за него, сказавъ, что на него наклеветали изъ ненависти, но Нероновъ продолжалъ нападать на патріарха и на его дѣятельность, говоря: „Святитель, уставы *иноземцевъ ты хвалишь и обычаи ихъ перенимаешь,* а предковъ ихъ благовѣрными и благочестивыми называешь, а мы отъ тебя же прежде слыхали, что *греки и малороссы потеряли вѣру,* что у нихъ нѣтъ стойкости въ вѣрѣ и добрыхъ нравовъ нѣтъ, что покой и почести соблазнили ихъ *и не сохранилось у нихъ благочестіе*" [1]).

Въ этихъ словахъ Неронова весьма ярко выступаетъ чувство задѣтаго національнаго самолюбія, оскорбленнаго распоряженіями Никона,—чувство, имѣвшее главнѣйшее, самое существенное, первенствующее вліяніе и значеніе въ дѣятельности Неронова и всѣхъ его единомышленниковъ противъ преобразованій Никона. Старые справщики были замѣнены, по желанію Никона, греками и малороссами, которыхъ Нероновъ также причислялъ къ иноземцамъ. Они дѣйствительно рѣзко отличались отъ москвичей, и какъ люди, стоявшіе выше ихъ по образованію и развитію и уличавшіе своихъ предмѣстниковъ въ невѣжественности, они навлекли на себя ихъ ненависть, да и вообще въ Москвѣ смотрѣли на нихъ косо, какъ на иноземцевъ, а когда они взялись настойчиво за церковныя исправленія, то со всѣхъ сторонъ поднялись голоса въ защиту родной старины отъ иноземной ереси.

Нероновъ возстаетъ противъ законоположенія и обычаевъ „греческой церкви" и это послѣ того, какъ изъявилъ желаніе примириться съ церковью! Очевидно, что и теперь онъ продолжалъ считать вселенскихъ патріарховъ впавшими въ ересь, вслѣдствіе порабощенія ихъ невѣрными, а видимымъ наружнымъ примиреніемъ съ церковью хотѣлъ только снять

---

[1]) Тамъ же, стр. 150.

съ себя соборное проклятіе, оставаясь въ душѣ такимъ же противникомъ преобразованій и греческой церкви, какъ и прежде, а противъ Никона питая еще большее озлобленіе за проклятіе и притѣсненія.

Такое отношеніе Неронова къ греческой церкви станетъ еще понятнѣе, если припомнить, что не только онъ и его единомышленники высказывались противъ нея, но даже цѣлый соборъ русскихъ іерарховъ и представителей русскаго духовенства въ 1666 году, прежде чѣмъ приступить къ разбирательству дѣлъ о раскольникахъ, всенародно выразилъ неувѣренность свою въ истинномъ правовѣріи вселенскихъ патріарховъ, поставивъ себѣ вопросъ: *„какъ долженствуетъ исповѣдывать св. греческихъ патріарховъ,* константинопольскаго, александрійскаго, антіохійскаго и іерусалимскаго, *остались ли они православными, живя подъ властью великаго гонителя имени христіанскаго* [1])? И спросилъ себя объ этомъ соборъ русскихъ іерарховъ, для того, чтобы не быть затѣмъ самому уличеннымъ въ томъ, въ чемъ обвинялъ раскольниковъ [2]).

Остается только пожалѣть о самой постановкѣ этого вопроса, потому, что—признавъ восточныхъ патріарховъ православными, соборъ положилъ ихъ истинное православіе обрядовое—въ основаніе своихъ сужденій о православіи раскольниковъ и долженъ былъ признать ихъ поэтому неправославными, и затѣмъ какъ таковыхъ отлучилъ отъ церкви, хотя впрочемъ послѣднее было сдѣлано по настоянію пріѣхавшихъ въ Москву для суда надъ Никономъ восточныхъ патріарховъ.

По просьбѣ Неронова, Никонъ позволилъ ему жить въ Троицкомъ подворьѣ, гдѣ онъ былъ на свободѣ и ходилъ ежедневно къ патріарху въ Крестовую палату, вѣроятно, для различныхъ покаянныхъ молитвъ предъ разрѣшеніемъ отъ клятвы. Но, повидимому, Никонъ не рѣшался единоличною

[1]) Исповѣданіе Собора 1666 г. Матер. по ист. раск., т. II, стр. 63.
[2]) Дабы не услышати кому: „врачу исцѣлися самъ“.

властью разрѣшить Неронова отъ соборной клятвы до прибытія государя, находившагося въ шведскомъ походѣ.

Къ этому времени, какъ надо полагать, относится отписка Неронова, отобранная у него, „что онъ вѣруетъ въ Скрижали, а также тѣ отписки къ его единомышленникамъ, въ которыхъ онъ, по настоянію Никона, похвалялъ Скрижаль и троеперстіе. Эти отписки затѣмъ, должно быть по просьбѣ самого Неронова, игуменъ Ѳеоктистъ отобралъ у тѣхъ, кому онѣ были писаны, и сохранялъ у себя, гдѣ онѣ впослѣдствіи и были найдены.

По пріѣздѣ государя (14-го апрѣля 1657 г.), во время выхода его изъ церкви, Григорій Нероновъ привѣтствовалъ его и, вѣроятно, при этомъ просилъ похлопотать, чтобы его скорѣе разрѣшили отъ клятвы. Ѳеоктистъ разсказываетъ, что какъ только государь замѣтилъ въ толпѣ старца Григорія, подошелъ къ нему и просилъ патріарха благословить его [1]. Но едва ли государь могъ узнать Неронова, такъ какъ нѣсколько лѣтъ уже не видѣлъ его и не зналъ, какъ онъ сюда явился послѣ проклятія на соборѣ 1656 года. Патріархъ, по совѣщанію съ царемъ, ускорилъ дѣло и въ слѣдующее же воскресенье прочелъ надъ Нероновымъ разрѣшительныя молитвы.

Ѳеоктистъ разсказываетъ при этомъ, будто на вопросъ Никона, пріобщается ли онъ соборной Апостольской церкви, Нероновъ отвѣчалъ, что никогда не былъ отлученъ отъ церкви и никакого собора на него не было, и сталъ опять нападать на патріарха и обвинять его въ неправильныхъ дѣйствіяхъ. Но все это неправдоподобно: Нероновъ не могъ не знать, что онъ былъ отлученъ, да и Ѳеоктистъ проговаривается самъ, разсказывая далѣе о разрѣшительной молитвѣ надъ Нероновымъ для пріобщенія его къ церкви. Съ своей стороны Никонъ, слыша такія слова, могъ уличить его въ неправдѣ, но Ѳеоктистъ объ этомъ умалчиваетъ. Скорѣе вы-

[1]) Мат. по ист. раск., т. I, стр. 154.

шеприведенныя слова Неронова составляютъ выдумку самого Θеоктиста, желавшаго представить Неронова правымъ страдальцемъ за вѣру, смѣлымъ обличителемъ Никона, а о клятвѣ надъ Нероновымъ во всей запискѣ о его жизни онъ ни слова не говоритъ, очевидно съ намѣреніемъ, такъ какъ упоминаніе о соборномъ проклятіи надъ нимъ послужило бы не въ пользу Неронова.

Никонъ отъ души радовался примиренію съ Нероновымъ, въ искренность котораго повѣрилъ. Нероновъ болѣе всѣхъ его противниковъ причинялъ ему безпокойства, непріятности и огорченія. И теперь этотъ врагъ мирился съ нимъ. Этимъ объясняется замѣчательная благосклонность его, вниманіе и даже честь, оказываемыя имъ Неронову послѣ присоединенія его къ церкви. Никонъ обходился съ нимъ ласково, приглашалъ къ своему столу и по его просьбѣ освободилъ многихъ единомышленниковъ его изъ заточенія. Патріархъ готовъ былъ сдѣлать даже нѣкоторыя уступки Неронову, лишь бы не возмущать вновь церкви. Такъ, когда разъ Нероновъ просилъ у него позволенія употреблять старый служебникъ, говоря, что „иностранныя власти“ не хулятъ его — говорилъ же это потому, что зналъ, что Никонъ въ своихъ исправленіяхъ опирался на иностранцевъ грековъ и придавалъ ихъ мнѣнію рѣшающее значеніе,—то Никонъ отвѣчалъ: „обои де добры; все де равно, по коимъ хощеши, по тѣмъ и служишь“. Такая уступка была сдѣлана, вѣроятно, съ условіемъ, чтобы Нероновъ не хулилъ новыхъ служебниковъ. Но Нероновъ, повидимому, сохранялъ въ душѣ свои прежнія убѣжденія относительно церковныхъ исправленій. Едва ли однако можно заключать изъ приведенныхъ словъ Никона, какъ это дѣлаетъ преосвященный Макарій, что этимъ снисхожденіемъ патріархъ самъ положилъ начало единовѣрію [1]). Это не согласуется съ его воззрѣніями на вселенскую восточную церковь, какъ на исключающую всякія отступленія отъ

[1]) См. „Никонъ въ дѣлѣ церковныхъ исправленій“, стр. 108.

истины, даже въ обрядности. Скорѣе въ этомъ можно видѣть личную уступку Неронову, какъ наиболѣе ожесточенному и, слѣдовательно, опасному противнику церковныхъ преобразованій, тѣмъ болѣе, что Никонъ разсчитывалъ этимъ, очевидно, окончательно примирить его съ церковью и черезъ него достигнуть соглашенія съ его единомышленниками.

Можно было бы удивиться безпристрастію Θеоктиста, въ разсказѣ котораго Никонъ является въ такомъ привлекательномъ образѣ, а Нероновъ ожесточеннымъ, упорнымъ невѣждою, для виду только покоряющимся церковной власти. Но Θеоктистъ самъ этого не замѣчаетъ и имѣлъ въ виду совершенно иное. Будучи вполнѣ убѣжденъ въ правотѣ Неронова, онъ хотѣлъ выставить его смѣлымъ и рѣзкимъ обличителемъ патріарха, который будто бы даже не находитъ ничего сказать въ свое оправданіе и заискиваетъ передъ Нероновымъ. Для этого Θеоктистъ намѣренно умалчиваетъ о нѣкоторыхъ обстоятельствахъ или просто отрицаетъ ихъ—напримѣръ, клятву надъ Нероновымъ.

Если патріархъ съ искреннимъ участіемъ относился теперь къ Неронову, то не такъ думалъ послѣдній. Онъ уже началъ мало-по-малу выказывать вновь свою прежнюю привязанность къ старымъ обрядамъ и книгамъ, а къ Никону питалъ затаенную злобу и при дворѣ передъ царемъ старался очернить его. Въ это время уже образовалась сила противъ Никона и царь успѣлъ охладѣть къ нему, благодаря стараніямъ бояръ, которые употребляли всѣ старанія во время разлуки царя съ патріархомъ въ шведскомъ походѣ, чтобы настроить государя противъ него. И это имъ удалось.

13-го января 1658 г. Нероновъ (поддерживаемый, вѣроятно, боярами) уже открыто возбуждаетъ царя противъ патріарха [1]): „Доколѣ, царь, тебѣ терпѣть такого врага Божія; смутилъ онъ всю землю русскую и твою царскую честь попралъ и всѣмъ страхъ внушаетъ и твоей власти уже не слыхать“.

[1]) Мат. по ист. раск., т. I, стр. 158.

Послѣ этого Никонъ (по просьбѣ Неронова, какъ утверждаетъ Ѳеоктистъ), отпустилъ его въ пустынь, давъ ему хорошую милостыню. Но странно, почему Неронову вдругъ вздумалось оставить Москву въ то время, когда онъ могъ успѣшно дѣйствовать тамъ противъ патріарха. Не вѣрнѣе ли предположить, на основаніи словъ Ѳеоктиста, что Никонъ или самъ царь разсудили просить его удалиться изъ Москвы, гдѣ онъ могъ причинить новыя затрудненія своимъ противодѣйствіемъ и происками и этимъ опять смутить церковь

Чрезъ нѣкоторое время Нероновъ опять пріѣхалъ въ Москву и бывалъ у патріарха. Въ это время раскольники начинали уже поднимать голову; они собирались въ домахъ для преній, и Нероновъ, между прочимъ, какъ донесли патріарху, сжегъ даже или только хотѣлъ сжечь, какъ онъ увѣрялъ потомъ, служебникъ новой печати, вслѣдствіе чего было сдѣлано строгое дознаніе. Нероновъ утверждалъ, что это ложный доносъ, что онъ только говорилъ, что слѣдуетъ сжечь служебникъ. Но и это уже показываетъ, что Нероновъ опять занялся проповѣдью раскола [1]).

Вскорѣ послѣдовало распоряженіе Никона троить аллилуіа — на всенощной. Тогда Нероновъ сталъ досаждать патріарху, говоря, „для чего тебѣ, патріархъ, мучить Россію; съ кѣмъ ты совѣтывался и какое свидѣтельство приводишь въ оправданіе своего распоряженія?“ И при этомъ ссылался на преп. Евросинія, стоявшаго за сугубую аллилуіа. Никонъ оспаривалъ это, тѣмъ не менѣе Нероновъ уговорилъ соборный причтъ не троить аллилуіа. Патріархъ между тѣмъ не рѣшался еще преслѣдовать Неронова, а настоялъ лишь и на этотъ разъ на удаленіи его изъ Москвы. Нероновъ отправился къ себѣ въ Игнатьевскую пустынь [2]).

Вскорѣ послѣ этого, 10-го іюля 1658 г. патріархъ Никонъ самъ удалился изъ Москвы въ Воскресенскій монастырь, сложивъ съ себя патріаршество.

[1]) Тамъ же, стр. 159.

[2]) Тамъ же, стр. 162—163.

Послѣ удаленія Никона, Нероновъ опять совершенно уклонился въ расколъ и дѣятельно занимался его распространеніемъ. Между прочимъ въ Вологдѣ у него были два раза большія пререканія по этому поводу съ архіепископомъ Симономъ. Въ первый разъ это произошло въ концѣ 1664 года Симонъ, какъ надо полагать, судя по дѣлу, не преслѣдовалъ Неронова за употребленіе при богослуженіи книгъ старой печати, пока онъ не хулилъ новыхъ книгъ. Но Нероновъ долго не выдержалъ и сталъ осуждать и ронять въ глазахъ другихъ новопечатныя книги. Проповѣдь его имѣла успѣхъ, такъ что Симонъ счелъ нужнымъ довести объ этомъ до свѣдѣнія высшей церковной власти, говоря, что у Григорія Неронова въ Вологдѣ многій расколъ и раздоръ" [1]). Къ Неронову стали относиться строже послѣ этого. Это возбудило въ немъ вражду къ Симону. Между тѣмъ онъ успѣлъ (6-го декабря 1664 г.) подать просьбу государю съ ходатайствомъ о возвращеніи Аввакума изъ ссылки изъ земли Даурской [2]). Прошло нѣсколько мѣсяцевъ; Нероновъ не оставался въ бездѣйствіи, продолжая распространять свою проповѣдь раскола и бороться съ тѣми, кто становился ему поперегъ пути. Между прочимъ онъ написалъ царю извѣтъ на Симона вологодскаго, обвиняя его въ различныхъ кощунствахъ [3]). Послѣдовало судебное разбирательство. Обвиненіе оказалось ложнымъ, Нероновъ же былъ отправленъ на житіе въ Волоколамскій монастырь [4]). Но и тамъ онъ не успокоился. Въ маѣ 1666 г. было возбуждено новое дѣло о самовольныхъ поступкахъ

---

[1]) Тамъ же, стр. 195—196. Допросныя рѣчи Григорья Неронова по извѣту на него архіепископа Симона.

[2]) Старца Григорія Неронова челобитная царю Алексѣю Михайловичу на протопопа Аввакума. Тамъ же, стр. 198—204.

[3]) Допросныя рѣчи Григорія Неронова 1665 г. 24 авг. и примѣчанія издателя. Тамъ же, стр. 203—208.

[4]) Донесенія Волоколамскаго архим. Сергія о принятіи старца Григорія Неронова подъ началъ. Тамъ же, стр. 220—221.

Неронова въ этомъ монастырѣ [1]). Въ это время уже созывался соборъ для суда надъ Никономъ; ожидали только восточныхъ патріарховъ. Тогда рѣшено было приступить, въ ихъ отсутствіе, къ рѣшенію дѣла о раскольникахъ [2]). Нероновъ, также возбудившій противъ себя своею проповѣдью и дѣятельностью гнѣвъ царя и церковной власти, былъ вызванъ къ соборному суду.

Ко времени между 1658—1666 гг. относится, какъ надо полагать, и большая переписка его съ единомышленниками. Напримѣръ сохранилось извѣстіе о его перепискѣ съ Аввакумомъ; именно у Ѳеоктиста, въ числѣ отобранныхъ у него бумагъ найдена была (подъ № 39) „грамотка Аввакума къ старцу Григорію на столбцахъ". Г. Субботинъ думаетъ, что это есть посланіе Аввакума къ Неронову, писанное въ Спасо-Каменскій монастырь; но въ бытность свою въ Спасо-Каменскомъ монастырѣ (въ 1653—54 гг.) онъ еще не былъ монахомъ Григоріемъ, а постриженъ былъ только въ концѣ декабря 1655 года послѣ бѣгства изъ Кандалашскаго монастыря. Вѣроятнѣе, что это то посланіе Аввакума, которое вызвало со стороны Неронова челобитную съ ходатайствомъ за него, поданную имъ царю въ концѣ 1664 г. Въ тѣхъ же бумагахъ сохранились еще: „Отписка къ Григорію Неронову отъ дьяка Ѳеодосія на 12 столбцахъ". Г. Субботинъ замѣчаетъ, не есть ли это черный дьяконъ Ѳеодосій, обвинявшій въ умыслѣ извести отравой Никона; другая отписка:—Ѳеоктиста къ Неронову, далѣе 10-ть тетрадей „О святѣмъ истиннѣмъ дусѣ, собраніе Григорія Неронова", десять тетра-

---

[1]) Допросныя рѣчи стряпчаго Бѣляева противъ извѣту на него Григорія Неронова.

Допросныя рѣчи по тому же дѣлу Волоколамскаго архимандрита Корнилія.

Показанія по тому же дѣлу Волоколамскаго келаря Сильвестра.

Показанія по тому же дѣлу иноковъ Волоколамскаго монастыря. Тамъ же, стр. 213—220.

[2]) Исторія русск. церкви Макарія, т. XII, стр. 640.

дей въ четверть связаны, а въ нихъ моленіе старца Григорія Неронова къ великому государю о согласіи церковномъ, объ исправленіяхъ книжныхъ, о Св. Дусѣ, о Господѣ истинномъ и о сложеніи перстовъ крестнаго знаменія и о божественной аллилуіа".

Кромѣ того Нероновъ написалъ въ это время двѣ челобитныя государю. Первая написана въ 1660 г. [1]). Въ ней онъ просилъ царя выбрать поскорѣе новаго патріарха, говоря, что великое смущеніе настало на Руси; потому что вводятъ чужіе обычаи церковные [2]) и происходятъ несогласія изъ-за церковныхъ учителей. Нероновъ думалъ, что по удаленіи Никона падетъ и все дѣло исправленій церковныхъ и обрядности, предпринятое имъ, и настанетъ возвращеніе къ родной старинѣ; поэтому онъ торопилъ царя выбрать новаго патріарха, который бы привелъ это въ исполненіе.

Въ другой челобитной, писанной въ 1664 г. [3]), когда уже существовала мысль о приглашеніи вселенскихъ патріарховъ для суда надъ Никономъ, Нероновъ высказывается противъ нея, такъ какъ Никонъ, по его мнѣнію, уже осужденъ соборомъ 1660 г. „Какой о немъ, о христолюбивый царь, соборъ и по какимъ правиламъ вселенскіе патріархи будутъ судить его? Или хочешь, чтобы и вселенскіе патріархи по невозможному судили? Вѣдь *невозможно, будучи православнымъ судить о Никонѣ иначе,* для чего же ты требуешь собора? Онъ уже самъ осужденъ заочно, *соборъ же о немъ будетъ великимъ безчестіемъ для всего государства* и посмѣтищемъ для окрестныхъ странъ, въ державѣ же царствія твоего всѣмъ архіереямъ и властямъ — крайнимъ позоромъ. А если уже онъ, Никонъ, всей области соборомъ несправедливо отставленъ, то *прилично ли быть собору надъ архіереями*

[1]) Мат. по ист. раскола, т. I. стр. 137—179.
[2]) Тамъ же, стр. 170.
[3]) Тамъ же, стр. 179—192.

всей великой Россіи за то, что они Никона неправо осудили" [1])! Нероновъ ссылается на „правдоглаголеваго" Паисія Лигарида, газскаго митрополита, который доказалъ, по его словамъ, „законопреступность всѣхъ Никоновскихъ затѣй" [2]). Это почтеніе къ Паисію объясняется тѣмъ, что послѣдній, прибывъ въ Москву и сообразивъ тотчасъ же, на чьей сторонѣ сила, сталъ въ числѣ враговъ Никона, но еще не успѣлъ высказаться относительно раскола [3]).

„*Не новъ обычай,* писалъ далѣе Нероновъ царю, *поставлять патріарха въ царственномъ градѣ Москвѣ своими русскими митрополитами,* архіепископами и епископами и не безъ воли вселенскихъ патріарховъ. Князь Василій Васильевичъ поставилъ въ митрополиты Іону своими русскими архимандритами и епископами, и воли вселенскихъ патріарховъ не было, потому что всей области соборомъ (т. е. мѣстнымъ) поставляется епископъ. Нужно собору быть не по дѣлу самого Никона, а по дѣлу о прелестномъ его мудрованіи и исправленіяхъ церковныхъ". Нероновъ такимъ образомъ былъ вполнѣ искренно убѣжденъ, что нужно искоренить ересь, вызванную церковными преобразованіями Никона.

Какъ видно изъ челобитной, *Нероновъ опасается участія вселенскихъ патріарховъ въ судѣ надъ Никономъ.* И это очень понятно. Онъ зналъ, что вселенскіе патріархи поддерживали Никона въ его исправленіяхъ и потому боялся, что они примутъ его сторону и опять возстановятъ его на патріаршій престолъ и укрѣпятъ его въ предпринятомъ имъ дѣлѣ. Поэтому-то онъ ратуетъ противъ собора съ участіемъ вселенскихъ патріарховъ, противъ такой междуцерковной постановки вопроса, касавшагося только русской церкви и въ пе-

---

[1]) Тамъ же, стр. 186.

[2]) Тамъ же, стр. 188.

[3]) Позднѣе, на соборѣ 1667 г. Лигаридъ выразился, что Аввакумъ Григорій Нероновъ и другіе расколоучители написали противъ грековъ бездну лжи, далеко превосходящей зловонный навозъ Авгія. (Паисій Лиг. о Никонѣ, ки. I, глав. XXXI). Тамъ же, стр. 189.

доумѣніи спрашивалъ царя, ужъ не обнаружилось ли „Никоново блуженіе“ во всѣхъ странахъ, что не могутъ порѣшить съ нимъ безъ вселенскихъ патріарховъ. Нероновъ думалъ, что если Никонъ будетъ судимъ соборомъ русскихъ архіереевъ, то церковныя исправленія его будутъ отмѣнены.

Но въ этомъ онъ глубоко ошибся. И когда въ 1666 г. на соборѣ русскихъ іерарховъ, враждебныхъ Никону, безъ участія вселенскихъ патріарховъ, которые еще не прибыли въ Москву, Нероновъ съ своими единомышленниками былъ призванъ къ отвѣту и услышалъ торжественное признаніе, что вселенскіе греческіе патріархи православны, а книги, ими употребляемыя, правильны, и такое же всенародное осужденіе раскола отъ лица русской церкви,—то онъ смутился. Идти противъ русской церкви онъ не рѣшился и принесъ покаянную запись, на этотъ разъ искренно.

Дѣло о Нероновѣ слушалось соборомъ 1-го іюня 1666 г. [1]). Въ соборномъ дѣяніи этого засѣданія были упомянуты всѣ прошедшія вины его: сопротивленіе распоряженіямъ церковной власти, осужденіе имъ новопечатныхъ книгъ и новоисправленныхъ обрядовъ, *преступные отзывы его о восточныхъ патріархахъ и греческой церкви* и пр. пр. Въ заключеніе было сказано, что онъ вторично отрекся отъ раскола и въ доказательство искренности своего обращенія къ истинѣ представилъ рукописную покаянную исповѣдь.

Не смотря однако на раскаяніе Неронова, соборъ опредѣлилъ за всѣ его грѣхи послать его опять въ Волоколамскій монастырь на покаяніе; отчасти это было сдѣлано, вѣроятно, для того, чтобы убѣдиться въ дѣйствительномъ примиреніи Неронова съ церковью.

Тѣмъ временемъ въ Москву прибыли восточные патріархи Паисій александрійскій и Макарій антіохійскій для суда надъ Никономъ. Въ январѣ 1667 г. уже состоялся соборный приговоръ надъ нимъ; оставалось приступить къ пересмо-

---

[1]) Матер. по ист. раскола, т. II, стр. 114. Дѣяніе 10.

тру дѣлъ о расколѣ. Но подготовительныя работы шли медленно и тянулись до іюля. Между тѣмъ Нероновъ, услышавъ, что восточные патріархи осудили Никона, растолковалъ это себѣ въ свою пользу, думая, что они держатъ его сторону противъ Никона, и у него явилась надежда, что восточные святители окажутъ ему защиту. Поэтому онъ изъ Волоколамскаго монастыря отправилъ имъ посланіе съ ходатайствомъ о пересмотрѣ вновь его дѣла, причемъ для своего оправданія излагалъ весь ходъ своей борьбы съ Никономъ [1]).

Но надежды Неронова не сбылись. Вмѣсто голоса въ защиту раскольниковъ Нероновъ услышалъ отъ восточныхъ патріарховъ угрозу вѣчнаго проклятія непокоряющимся церкви. Ему оставалось только одно: просить прощенія у патріарховъ и заявить предъ ними еще разъ о своемъ раскаяніи. Съ этою цѣлью онъ написалъ „Покаянное молебное посланіе" патріархамъ, въ которомъ отрекался окончательно отъ раскола и давалъ обѣщаніе не прикословить впредь ни въ чемъ церковной власти [2]). Остатокъ дней своихъ Нероновъ провелъ въ мирѣ съ церковью.

Нѣкоторые изъ единомышленниковъ Неронова послѣдовали его примѣру и принесли покаяніе. Но другіе, болѣе упорные и болѣе послѣдовательные, продолжали непокорствовать и выказывать даже сопротивленіе самому собору, за что подверглись отлученію отъ церкви и преданы были проклятію.

Этотъ соборъ 1667 г. заслуживаетъ особеннаго вниманія. Обыкновенно его соединяютъ съ соборомъ, происходившимъ въ предшествовавшемъ 1666 году, такъ какъ занятія ихъ шли почти безпрерывно и дѣянія одного изъ нихъ составляютъ какъ бы продолженіе или дополненіе дѣяній другого. Тѣмъ не менѣе, если вглядѣться глубже въ постановку вопроса, веденіе дѣла, а главное въ значеніе для послѣдующей исторіи обоихъ собо-

---

[1]) Матер. по ист. раскола, т. I, стр. 223—240.
[2]) Тамъ же, стр. 240—243.

ровъ, то нельзя будетъ не провести строгаго разграниченія между ними, не отдѣлить ихъ совершенно одинъ отъ другого.

Обратимся сперва къ *собору 1666 г.*

Прежде чѣмъ приступить къ разсмотрѣнію дѣлъ о раскольникахъ и о церковныхъ исправленіяхъ, соборъ счелъ нужнымъ „между собою о той же винѣ соиспытатися и совзыскати, дабы не услышати кому: врачу, исцѣлися самъ"; и для этого по прочтеніи членами собора Никейскаго символа вѣры, предложены были три вопроса:

1) *Какъ слѣдуетъ думать о патріархахъ восточныхъ, православны ли они, живя подъ властью великаго гонителя имени христіанскаго?*

2) Правильны ли и достовѣрны ли тѣ рукописныя и печатныя книги, которыя употребляютъ при священнослуженіи греческіе патріархи?

3) Считать ли законнымъ соборъ, бывшій при Никонѣ въ 1654 году? [1]).

Всѣ эти вопросы въ сущности сводились къ одному: къ отзыву о православіи или неправославіи греческой церкви, такъ какъ отъ этого зависѣла дальнѣйшая участь всего дѣла, предпринятаго патріархомъ Никономъ, хотѣвшимъ установить полное единообразіе въ обрядахъ и богослужебныхъ книгахъ съ греческою церковью. Какъ? Въ то время, когда церковныя преобразованія близились уже къ концу и ожидали окончательнаго утвержденія и закрѣпленія именемъ православной церкви, когда Москва готовилась встрѣтить восточныхъ святителей и предложить имъ почетное мѣсто на соборѣ русскихъ іерарховъ и рѣшающій голосъ въ дѣлахъ русской церкви,—этотъ самый соборъ еще ставитъ вопросъ о православіи или неправославіи этихъ восточныхъ патріарховъ, суду которыхъ онъ собирался подчиниться? Да. Въ это самое время русская церковь хочетъ еще разъ убѣдиться въ правильности своего рѣшенія, чтобы окончательно утвер-

[1]) Матер. по ист. раскола, т. II, стр. 63—64.

диться въ немъ, прежде чѣмъ осудить раскольниковъ за то, что они защищаютъ тѣ книги и обряды церковные, которыхъ держалась православная Русь въ теченіи уже болѣе столѣтія. И если бы соборъ 1666 года спросилъ себя, можно ли считать православными христіанами тѣхъ, которые употребляютъ эти обряды и книги при богослуженіи, то едва ли можно сомнѣваться въ положительномъ рѣшеніи этого вопроса.

Но для такой постановки его дойти въ то время было нельзя, потому что для этого требовалось отличить существенное отъ несущественнаго, содержаніе отъ одного внѣшняго выраженія. Для людей, даже самыхъ образованныхъ и просвѣщенныхъ того времени существовало только обрядовое православіе, а потому оно могло быть только одно: или греческое или русское. Слѣдовательно, одно изъ нихъ должно было быть признано незаконнымъ. Въ силу этого, признавъ греческую церковь православною, соборъ 1666 г. долженъ былъ поставить правильность ея обрядовъ въ основаніе своихъ сужденій о православіи раскольниковъ и за противодѣйствіе ихъ восточной церкви—отлучить.

Въ самомъ веденіи судебнаго дѣла о раскольникахъ на соборѣ 1666 г. замѣтно искреннее желаніе его достигнуть примиренія ихъ съ церковью [1]), что ему въ значительной

[1]) „Тогда начаша ему (попу Никитѣ) архіереи отверзати умная очеса и являти его невѣжества, толковати же божественныхъ писаній трудности". Мат. по ист. раскола, т. II, стр. 87. Дѣяніе 5.

„Тогда начаша его (діакона Ѳедора) архіереи увѣщати со любовію, да пріидетъ въ чувство, и показаша ему, яко вся по преданію святыхъ отецъ благочестно исправишась, благодатію Пресвятаго и Животворящаго Духа", Тамъ же, стр. 94. Дѣяніе 6-е.

„Тогда ему (Александру вятскому) правдивіи учитиліе и пастыріе многими книгами древними и иными доводы истину изъяснища". Дѣяніе 3, стр. 79.

„Многими поученьями бодріе пастыріе на путь истины наставляху и вредъ его душевный врачеваху, давше ему (попу Лазарю) многихъ мѣсяцей поприще ко устрабленію, терпяще его даже до пришествія святѣйшихъ патріархъ. Но ни мало успѣша". 8-е дѣян., стр. 112.

степени и удалось. Такъ большинство единомышленниковъ Неронова, судившихся на этомъ соборѣ принесли покаяніе [1]). На остальныхъ [2]) ни какія увѣщанія собора не подѣйствовали; *они продолжали упорствовать и называть греческихъ патріарховъ и поставленныхъ ими архіереевъ, а также греческій народъ неправославными* [3]); книги же ихъ полными

[1]) 1. Александръ, епископъ вятскій (см. Дѣяніе 3-е. Мат. по ист. раск., т. II, стр. 78—79): „написа покаянный свитокъ, и вручивъ всему освященному собору, прощенія сподобися".

2. Ефремъ Потемкинъ: „благодатію св. Духа пріиде въ чувство, позна заблужденіе свое отъ пути спасенія, и, явѣ исповѣдая грѣхъ, многія слезъ горькихъ излія токи". Дѣяніе 7-е, стр. 99.

3. Іеромонахъ Сергій: „горцѣ возрыдавъ о своемъ прегрѣшеніи, принесе покаянное писаніе". Дѣян. 8-е, с. 107.

4. Старецъ Серапіонъ, бывшій смоленскій протопопъ: „покаяніе сотворивъ о своихъ хулныхъ глаголѣхъ и писаніяхъ, сподобися соборнаго прощенія". 8-е Соборное Дѣяніе, стр. 109.

5. Григорій Нероновъ: „предъ освященнымъ соборомъ паки отречеся лестнаго его ученія и даде во свидѣтельство истиннаго его ко истинѣ обращенія свое рукописаніе". Дѣяніе 10-е, стр. 116.

6. Θеоктистъ, игуменъ Златоустовскаго монастыря: „принеся покаяніе рукописаніемъ его освященному собору". Дѣян. 10-е, стр. 117.

7. Герасимъ Θирсовъ, старецъ Соловецкаго монастыря: „умоли слезами прощеніе". Тамъ же.

8. Антоній, бывшій архимандритъ Муромскаго Спасскаго монастыря: „пришелъ въ чувство явя клятвы покаянія и освободися анаѳемы". Тамъ же.

9. Авраамій, іеромонахъ Лысковскаго монастыря: „призванъ бывъ на соборъ, покаяся". Тамъ же, стр. 118.

10. Сергій Салтыковъ, игуменъ Бизюковскаго монастыря: „по многомъ своемъ сомнѣніи и любопреніемъ славномъ пріиде въ покаяніе". Тамъ же.

[2]) Аввакумъ (см. Дѣяніе 4-ое, тамъ же, стр. 80 — 82), попъ Лазарь (Дѣяніе 9-ое, стр. 113), Епифаній, патріаршій поддьякъ Θедоръ (Дѣяніе 9-ое, стр. 113), діаконъ Θедоръ (Дѣяніе 6-ое, стр. 95), попъ Никита (Дѣяніе 5-ое, стр. 82—91).

[3]) Попъ Никита: „и нача *хулити* и прочія святѣйшія четыре *патріархи гречестіи* и иныя отъ ихъ поставляемыя архіереи же и іереи, паче же *и весь греческій народъ,* глаголя ихъ неимущія быти святаго крещенія и *увѣщаетъ россійскій народъ съ ними ни въ чесомъ соединя-*

ереси и развращенія, а нѣкоторые даже хулили самый соборъ, пазывая его незаконнымъ [1]). За такое сопротивленіе церкви они были отлучены отъ нея и преданы проклятію, при чемъ однако до послѣдняго срока соборъ употреблялъ всѣ усилія, чтобы уговорить ихъ подчиниться церкви. Напримѣръ, попу Лазарю дали нѣсколько мѣсяцевъ на размышленіе въ надеждѣ на его раскаяніе [2]) и только на соборѣ 1667 г. онъ былъ преданъ проклятію за свое упорство. Соборное проклятіе подѣйствовало на нѣкоторыхъ изъ осужденныхъ и они вскорѣ раскаялись [3]).

Окончивъ разсмотрѣніе дѣлъ о раскольникахъ, соборъ 1666 г. обратился къ духовенству съ заключительнымъ словомъ [4]), которое послѣ весьма обстоятельныхъ объясненій и *доказательствъ чистоты греческой церкви, „вопреки убѣж-*

тися, писаніе же ихъ и всѣ священныя книги, повѣдаетъ *полны* бытиразвращеній и различныхъ *ересей;* вину же полагаетъ, *яко печатаются въ типографіи венетійской, паризской и въ прочихъ латинскихъ градѣхъ.* (Дѣяніе 5-ое, стр. 86 и 87. Мат., т. II).

„И отрыгнулъ слово злоклеветное и ложное на начальнѣйшія правители святыя начальныя каѳолическія церкви, на *святѣйшія патріархи греческія... *тыя онъ злохульно *нарече неправославныя быти.*“ Тамъ же, стр 93. Дѣяніе 6, 7.

[1]) Аввакумъ (Дѣяніе 4-ое, стр. 82): „укори въ лице весь освященный соборъ, вся неправославными нарицая.“

Лазарь (Дѣяніе 9-ое, стр. 113): „и весь освященный соборъ въ лице укоряше.“

[2]) Матер. по ист. раскола, т. II, стр. 28.

[3]) „Потомъ же, малу числу мѣсяцей протекшу, приде Божый Благодатью сей Никита, раскаяся о своемъ непокорствѣ, расколѣ и развращеніи, припаде слезенъ чрезъ писанія къ ногама всего освященнаго собора, прося прощенія и разрѣшенія отъ союза клятвеннаго.“ Мат. по ист. раскола, гл. II. Дѣяніе 5-ое, стр. 88.

Діаконъ Ѳедоръ: „присла покаянное писаніе ко освященному собору и получи милосердіе.“ Впрочемъ спустя нѣкоторое время Ѳедоръ опять уклонился въ расколъ. Весьма вѣроятно, что къ этому его побудило осужденіе Никона соборомъ 1667 г. (Тамъ же, стр. 95).

[4]) Дѣяніе 11-ое, стр. 120.

денію многихъ въ народѣ" [1]) *и правильности греческихъ обрядовъ* кончается слѣдующимъ назиданіемъ: „А если кто не послушаетъ васъ хотя въ чемъ нибудь изъ повелѣваемыхъ нами или начнетъ прекословить, то вы о таковыхъ возвѣщайте намъ и мы ихъ накажемъ духовно; если же и духовное наказаніе наше начнетъ презирать, то мы приложемъ и тѣлесныя озлобленія. Если же вы сами начнете нерадѣть и у васъ окажутся неисправленія и неустроенія церковныя, противныя нашему соборному постановленію, то будете преданы церковной казни безъ пощады" [2]).

Такимъ образомъ соборъ вмѣнилъ лишь въ обязанность всѣмъ и каждому подчиняться его постановленіямъ, а за нарушеніе таковыхъ и сопротивленіе церковной власти положилъ виновныхъ преслѣдовать судомъ церковнымъ, угрожая строгимъ наказаніемъ.

Клятвы соборной отъ имени церкви не было произнесено не только на самые обряды и книги, которые съ теченіемъ времени вошли въ употребленіе въ древней Руси, но даже и на тѣхъ лицъ, которыя ихъ придерживались [3]). Отлученіе и проклятіе могли ожидать ихъ лишь послѣ привлеченія ихъ къ церковному суду и только въ случаѣ неповиновенія соборной власти.

Обратимся теперь къ *собору 1667 г.* [4]), *на которомъ главное руководительство и рѣшающій голосъ принадлежали восточнымъ патріархамъ.*

Вотъ что говорится въ „общемъ изреченіи" этого собора:

---

[1]) Зане во многихъ отъ народа мнѣніе вниде яко ересьми многими и антихристовою скверною осквернены церкви и чины и таинства и послѣдованіе церковное. Того ради соборнѣ заповѣдаемъ... покорятися во всемъ безъ всякаго сомнѣнія святой восточной церкви. Стр. 124.

[2]) Тамъ же, стр. 143 и 144.

[3]) Тѣ немногіе изъ нихъ, которые были преданы проклятію въ 1666 г., подверглись церковной карѣ собственно за хулу на самый соборъ, ихъ судившій.

[4]) По старому лѣтосчисленію, такъ какъ соборъ этотъ открылся въ ноябрѣ 1666 г.

„*Мы, Божіей Милостью, патріархи, Паисій александрійскій и Макарій антіохійскій съ собратомъ нашимъ патріархомъ московскимъ Іосифомъ* и со всѣмъ свящ. соборомъ, сіе наше соборное повелѣніе и завѣщаніе ко всѣмъ людямъ православнымъ повелѣваемъ неизмѣнно хранить и Святой *восточной церкви нашей (греческой)* [1]) покоряться. Если кто неисполнитъ повелѣваемаго нами и не покорится Святой восточной церкви и священному собору или пачнетъ прекословить, или противиться намъ, то мы такого противника, если онъ священнаго чина, даннаго намъ отъ всесвятаго Животворящаго Духа властью извергаемъ и лишаемъ его всякаго священнодѣйствія и проклятію предаемъ; если онъ мірскаго чина, отчуждаемъ и отлучаемъ отъ Отца и Сына и Святаго Духа и *проклятію вѣчному* (αἰώνιον) предаемъ, какъ еретика и непокорника, и отъ православнаго всесочлененія и стада и отъ церкви Божіей отсѣкаемъ, *какъ гнилой и непотребный членъ*, пока не уразумится и не возвратится въ правду покаяніемъ. *А кто не уразумится* и не возвратится въ правду покаяніемъ и пребудетъ въ упрямствѣ своемъ до конца жизни, *да будетъ и по смерти отлученъ* и душа его съ Іудою предателемъ и съ распявшими Христа жидами и съ прочими проклятыми еретиками; желѣзо, камень, древеса растлятся и разрушатся, а тотъ не будетъ разрѣшенъ во вѣки вѣковъ, аминь“ [2]).

И далѣе сказано: „*Если кто отнынѣ будетъ прекословить по поводу того, что было исправлено и законоположено нами на семъ великомъ соборѣ относительно аллилуіа, крестнаго знаменія и другихъ вещей церковныхъ* и что записано въ соборномъ уложеніи его и въ книгѣ „жезлъ правленія“, *да будетъ въ правду самоосужденъ и наслѣдникъ клятвѣ сего собора, записанной въ соборномъ уложеніи, какъ преслушникъ Божій и противникъ Св. Отецъ*“ [3]).

[1]) ἡμῶν.

[2]) Матер. по ист. раск., т. II, стр. 218—220.

[3]) Тамъ же, стр. 396.

Итакъ, если въ 1666 г. соборъ русскихъ іерарховъ отлучилъ и проклялъ тѣхъ изъ раскольниковъ, которые называли неправославною восточную греческую церковь съ ея представителями и выказывали открытое сопротивленіе самому собору, и при этомъ велѣлъ впредь привлекать къ церковному суду всѣхъ ослушниковъ соборныхъ постановленій 1666 г., то въ слѣдующемъ 1667 г. восточные патріархи Паисій и Макарій, опираясь на тѣхъ же членовъ собора, изрекли отъ имени вселенской церкви властью, данною имъ отъ Св. Духа, вѣчное проклятіе и отсѣченіе отъ Христовой церкви не только на всѣхъ раскольниковъ того времени, но и на будущихъ ихъ единомышленниковъ, сдѣлавъ ихъ наслѣдниками этой клятвы.

Это соборное проклятіе и создало расколъ, какъ нѣчто отдѣльное отъ православной церкви, потому что оно оттолкнуло отъ нея всѣхъ тѣхъ, которые, держась старыхъ обрядовъ и книгъ, хотѣли тѣмъ не менѣе жить въ мирѣ съ нею. Эти люди, искренно убѣжденные, что они вѣрные сыны православной Христовой церкви, видѣли, что православная русская церковь отвергала ихъ, какъ зараженныхъ членовъ своихъ. (На самомъ дѣлѣ отвергали ихъ *восточные патріархи,* а русскіе іерархи были, такъ сказать, лишь привлечены къ подписанію ихъ приговора [1]). Старообрядцы послѣ этого естественно заключили, что, слѣдовательно, русская церковь сама впала въ ересь и съ этихъ поръ отшатнулись отъ нея и прекратили общеніе съ ней. Этотъ разрывъ продолжается и донынѣ, такъ какъ большинство раскольниковъ не хотятъ

[1]) Самое соборное рѣшеніе излагается какъ бы отъ лица патріарховъ, а не собора, и лишь съ его одобренія (sacro approbante concilio). Напримѣръ, оно начинается словами: *мы, патріархи Паисій и Макарій* съ собратомъ нашимъ Іосифомъ и со всѣмъ освященнымъ соборомъ (σὺν τοῖς λοιποῖς ἱερωτάτοις τῆς μεγάλης Ῥωσσίας). Далѣе: „и книги, яже за благословеніемъ и совѣтомъ братій *нашихъ* (ἡμετέρων ἀδελφῶν) святѣйшихъ вселенскихъ патріарховъ исправишася.“ Въ другомъ мѣстѣ: „аще ли кто не покорится святой восточной церкви *нашей* (ἡμῶν).“

примириться съ нею, ссылаясь на тяготѣющую надъ ними соборную клятву.

Но въ этомъ разрывѣ русская церковь неповинна. Русская церковь на соборѣ 1666 г. осязательно обнаружила свое здравое и мудрое отношеніе къ расколу; и если въ слѣдующемъ 1667 году чужеземные патріархи Паисій и Макарій изрекли отъ имени церкви роковую для раскольниковъ клятву, то это есть лишь тяжелое и бѣдоносное *церковное недоразумѣніе,* которое рано или поздно должно исчезнуть и возвратить уклонившихся на путь истиннаго церковнаго вѣроученія.

Устранить это недоразумѣніе можетъ только церковь. Содѣйствовать же выясненію его—есть дѣло церковно-исторической науки.

